

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Тиллоева Саодат Махмадкуловна

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ
В СИСТЕМЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ
(на материале семантического поля «انسان – Человек»)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой
степени доктора филологических наук

Научный консультант:
академик ИЛИ РАН
И.М. Стеблин-Каменский

Екатеринбург
2017

Работа выполнена на кафедре профессионально-ориентированного и языкового образования
Института иностранных языков ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический
университет»

Научный консультант:

Стеблин-Каменский Иван Михайлович
доктор филологических наук, профессор,
академик ИЛИ РАН

Официальные оппоненты:

Иванов Владимир Борисович
доктор филологических наук, профессор
кафедры иранской филологии ФГОУ ВО
Московский государственный университет им.
М. В. Ломоносова

Исмоилов Шамеулло,
доктор филологических наук, профессор
кафедры таджикского языка
Таджикского государственного
института языков им. С. Улуг-зода

Ходжаев Давлатбек,
доктор филологических наук, профессор
кафедры истории языка и типологии
Таджикского национального университета

Ведущая организация:

**Хорогский государственный университет
им. М. Назаршоева**

Защита диссертации состоится _____ на заседании
диссертационного совета Д 047.004.02 при Институте языка и литературы имени Рудаки по
адресу: 734025, г. Душанбе, Республика Таджикистан, проспект Рудаки 21.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института языка и литературы
имени Рудаки и на сайте Института <http://iza.tarena.tj/>

Автореферат диссертации разослан « _____ » _____ 2017 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

Каландаров Х.С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современной лингвистической науке проблемы семантики приобрели первостепенное значение в связи с необходимостью обоснования закономерностей функционирования речевых единиц в процессе коммуникации. Описание языка на поверхностном уровне его представления, предпринятое в различных направлениях языкознания с использованием формализованных методов и метода моделирования, расширило наши знания о внутреннем взаимодействии языковых элементов в системе и структуре языка. Однако исследование языка с точки зрения его коммуникативного предназначения и с точки зрения его семантического наполнения неизбежно требует выхода за поверхностные формы языка в тот уровень, который определяет информативную ценность языковых единиц. Вот почему в последнее время лингвистика обратилась к объяснению глубинных закономерностей языкового механизма, в связи с чем на первый план выступил ряд новых проблем, связанных как с общим методологическим, так и с методическим подходом к языковой семантике.

Актуальность диссертационного исследования определяется факторами, связанными с интенсивными глобализационными процессами, которыми характеризуется развитие человечества на настоящем этапе. Для эффективного построения взаимоотношений в современном полиэтническом, поликультурном мире жизненно важным становится умение понимать друг друга, а необходимым условием для этого является учет особенностей менталитета участников межкультурной коммуникации, поэтому в современной лингвистике продолжает оставаться актуальным разрабатываемое в данной работе направление, в котором язык исследуется как культурный код нации.

В этой связи вступает в силу вопрос об исследовании языка, в том числе и лексики памятников письменности, стремление определить в них устойчивость и преемственность языковых закономерностей культурно-исторического характера. Синхронность анализа особенностей языка художественного наследия не исключает возможность рассмотрения его в рамках одной системы на протяжении большого отрезка исторического временного пространства, поскольку одновременное (синхронное) изучение состояния языка как системы взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов в определенный момент его развития представляет собой цельные картины, отражающие единства устойчивого и подвижного, статического и динамического его состояния. Следовательно, язык художественного произведения представляет собой не простое множество лексических знаков, а систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Состав этих элементов и характер их связи определяют специфику языка и стиля каждого художественного произведения на всех его уровнях. Исследование системы языка

художественного наследия с этой точки зрения должно сопровождаться обязательным учетом внутренней динамики языковых явлений, анализом функций активных и угасающих процессов, поскольку такое изучение по самой своей природе должно являться синхронно-диахронным, воссоздающим картины сосуществования новых отношений со старыми в лингвистике, так как лексическая система языка не является неподвижной и абсолютно устойчивой.

В этой связи остро стоит задача исследования и научного описания сложной и многоплановой системы языка литературных произведений прошлых эпох, системы, порождающей могучие средства культуры речи, регулирующей задачи нормализации, кодификации и стабилизации языковых норм литературного языка. В основе создания фундаментальных исследований по таджикской (персидской) лингвистике всегда стояла задача теоретической разработки и оценки лексических, семасиологических, грамматических, стилистических аспектов языка.

Анализ лексики и ее исследование в различные периоды развития таджикского (персидского) языка отражают процессы, происходившие в языке поэзии, прозы, вызывая необходимость принципиально нового построения концепций, требующих инновационного осмысления лексики в художественных произведениях прошлых эпох. Синтез концепций ученых позволяет увидеть, насколько существенны те особенности, которые были присущи лексике поэтических и прозаических произведений прошлых эпох. Эти особенности ставят перед лингвистами целый ряд проблем, поскольку их исследование обнаруживает своеобразие традиционной картины эволюции лексической системы прошлых эпох и вместе с тем требуют нового взгляда на давно известные факты, ставя задачи определения новых схем взаимодействия лексической системы, связывающих языковое состояние прошлых эпох с разнообразием современной лексической системы.

Степень разработанности. Проблема семантического анализа лексики – одна из наиболее активно изучаемых проблем языкознания. Многолетние попытки формально и в достаточно полном объеме описать семантику естественного языка до сих пор оканчивались неудачей. Из этого, однако, вовсе не следует, что они были бесплодными. Чрезвычайно плодотворным результатом этих семантических исследований было, во-первых, введение в научный оборот большого корпуса фактов, никогда раньше не рассматривавшихся; во-вторых, выдвижение новых теоретических принципов и новых идей относительно того, как устроен объект изучения; в-третьих, осознание того факта, что формализация семантических описаний в настоящее время была бы преждевременной, потому что объем материалов, которые еще только предстоит освоить, в десятки, а может быть, и в сотни раз превосходит все то, что уже было освоено.

По различным аспектам проблемы лексикологического строя русского, таджикского (персидского) языков проведены многочисленные исследования, но в то же время имеется ряд проблем, решение которых способствует раскрытию отдельных неосознанных сторон лексикологических явлений этих языков. Семантический анализ лексики в системе разноструктурных языков (на материале семантического поля «انسان – Человек») относится к разряду таких проблем языкознания, особенно для таджикского и персидского языкознания.

Значительный вклад в исследование семантики лексических единиц в синтагматическом и парадигматическом аспектах внесли О.С. Ахманова, В.В. Виноградов, А.А. Будагов, В. Дорошевский, В.П. Филин, С.Д. Кацнельсон, Д.Н. Шмелев, Ю.Н. Караулов, В.Г. Гак, А.А. Уфимцева, Ю.Д. Апресян, А.А. Новиков, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, Г.Д. Золотова, В.А. Звегинцев, В.Н. Телия, Е.А. Найда, Ст. Ульман и др.

В современной семасиологии одним из основных направлений изучения семантики лексических единиц стала сопоставительная (контрастивная) и типологическая семантика. Общетеоретическим вопросам сопоставительно-типологической семантики посвящены работы Р.Б. Будагова, С.Д. Кацнельсона, В.Г. Гака и др.

Большое внимание в сопоставительных исследованиях уделяется изучению универсального и специфического в семантической структуре родственных и неродственных языков, особенностей структуры их семантических полей и категорий (З.Н. Вердиева, А.В. Исаченко, И. Кристина, В.Н. Манакин, Э.М. Медникова, И.В. Привалова, О.Н. Селиверстова, И.А. Стернин, Н.И. Толстой, А.А. Уфимцева, А.В. Успенская).

Следует отметить, что до последнего времени в лингвистических исследованиях предпочтение отдавалось грамматическому строю таджикского (персидского) и русского языков, почти без внимания оставалось исследование в области лексики. Подобное исследование, на наш взгляд, представляет значительный интерес.

Целью предлагаемой работы является выявление структурной специфики семантического поля «Человек» в системе разноструктурных языков.

Объектом семантического описания послужило лексико-семантическое поле «Человек» в таджикском (персидском) и русском языках.

Предмет исследования – семантический анализ лексических единиц таджикского (персидского) и русского языков, воплощающих специфику духовной и социальной культуры двух народов.

Задачи исследования определяются решением таких центральных проблем, как:

1) выработка теоретико-методологической платформы семантического исследования лексики разноструктурных языков;

2) составление списка анализируемой группы лексических единиц после анализа соответствующей совокупности текстов, в которых употребляются выбранные для исследования лексические единицы; группирование их дистрибуции по определенным семантическим признакам; сравнение величины извлеченных из обследованных текстов семантических компонентов каждой описываемой единицы, установление сходства и отличия этих лексем по тому или иному компоненту;

3) выявление корпуса словосочетаний, организованных анализируемыми лексическими единицами, путем сплошной выборки;

4) проведение анализа норм сочетаемости экспериментального корпуса словосочетаний путем выделения структурных моделей словосочетаний и тематической классификации;

5) исследование семантики и особенностей использования лексических единиц семантического поля «Человек» при обращении особого внимания на ассоциативные связи, а также на коннотативную составляющую анализируемого языкового материала, прослеживание развития лексической семантики языковых единиц от первичного денотативного значения к метафоре;

6) разграничение лексического значения слова и его семантической сочетаемости;

7) проведение анализа лексической и семантической сочетаемости по выделенным параметрам семантического изучения экспериментального корпуса словосочетаний, а именно: а) объективизация наличия семантической связи элементов анализируемой микросистемы, б) измерение силы этой связи, получение количественной оценки этой связи;

8) определение дифференциальных признаков значения, позволяющих описать семантическую микросистему слова в синхронии и диахронии; рассмотрение пути развития и изменения лексических значений и выделение основных процессов языковой семантики;

9) определение сути семасиологического подхода к проблеме переносных наименований и изучение эволюционных семантических процессов в пределах оппозиции «прямое/переносное значение»;

10) анализ результатов развития лексических значений слов семантического поля «Человек»;

11) обобщение и систематизация множества частных структур, расхождений между родственными языками; выявление основных и частных расхождений в структуре семантического поля в системе разноструктурных языков;

12) исследование взаимосвязи между объективными расхождениями в структурировании родственных языков и субъективными процессами их описания и нормирования;

13) анализ механизма семиотического взаимодействия языка, этноса и культуры, выработка оптимальной методики сопоставительного исследования национальных языков в пространстве этнической культуры.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

- впервые для структурного сравнения разноструктурных языков избрана структура семантического поля как единицы, в наибольшей степени свободной от логико-коммуникативных задач высказывания;
- разработана методика анализа расхождений между разноструктурными языками, предполагающая, с одной стороны, анализ вариативных расхождений, носящих факультативный или статистический характер, с другой стороны, оппозиционные расхождения, имеющие обстоятельный характер и выступающие в качестве базовых для определения особенностей каждого из сопоставляемых языков;
- благодаря выбору адекватной единицы сопоставления, синтагматические различия между таджикским (персидским) и русским языками впервые были представлены как закономерное проявление ведущих синтагматических стратегий, специфических для каждого из сравниваемых языков;
- впервые на базе таджикского (персидского) и русского языков проведено исследование того, как характерологические синтагматические и парадигматические стратегии каждого из сопоставляемых языков репрезентируются в специфике организации межсловных и внутритекстовых синтагм, что позволило выявить некоторые общие закономерности структурирования семантических связей, дифференцирующих разноструктурные языки;
- впервые в рамках каждого из сравниваемых языков установлены общие закономерности как для структурных связей, так и для синтагматических и парадигматических отношений;
- впервые на материале таджикского (персидского) и русского языков прослежены взаимосвязи между объективными характерологическими особенностями двух языков и субъективными факторами.

Теоретическая значимость заключается в том, что материалы работы вносят существенный вклад в разработку общей теории взаимодействия языка и культуры (лексикологический аспект). Многомерное системное описание позволяет разработать перспективные методики для анализа лексической системы не только генетически различных языков, но и культур, ориентированных на разные конфессии. Предложенные

общая и частные методики анализа языкового материала могут быть успешно применены для исследования лексической системы языков с различной структурой.

Исследуемые в работе межъязыковые различия позволяют охарактеризовать процесс расхождения разноструктурных языков на начальной стадии проявления различий, что вносит вклад в исследования языковой диахронии.

Теоретическую значимость имеет сама постановка вопроса о соотношении объективных закономерностей языковой структуры с субъективными процессами языкового описания и языкового нормирования.

Практическая значимость исследования определяется тем, что лингвисты, преподаватели, переводчики, специализирующиеся на одном из сопоставляемых языков (таджикском (персидском) и русском), в силу культурных, исторических и экономических причин так или иначе выступают как языковеды широкого профиля. Отсюда результаты могут быть использованы в преподавании исторических лингвистических курсов, в практической переводческой работе, при чтении лекций по исторической и современной лексикологии, истории языка, этимологии, проведении практических занятий, написании квалификационных работ, где разрабатываются теоретические, методологические и источниковедческие вопросы лексикологии, лексикографии. Прикладное значение работы определяется также и тем, что ее результаты могут быть использованы для лексикографического обобщения и портретирования лексических единиц в составе сводных словарей общенационального масштаба языка, словарей крупных исторических эпох развития таджикского (персидского) языка.

Методология исследования: методологический подход близок к идеям характерологии в том виде, как она разрабатывалась В. Матезиусом. Характерология как особое направление сопоставительного описания оправдана как подход, последовательно совмещающий два фокуса исследования. Во-первых, это «внешний» фокус: языковые явления, выбранные в качестве объекта изучения, исследуются в контрастивном аспекте. Во-вторых, это «внутренний» фокус: для каждого из языков устанавливается внутренняя взаимосвязь выявленных межъязыковых расхождений.

Кроме того, методология сложилась под влиянием теории семантического поля (Л. Вейсгербер, Г. Ипсен, Э. Косериу, Й. Трир, Ю.Д. Апресян, О.С. Ахманова, А.В. Бондарко, Ю.Н. Караулов, В.П. Абрамов, А.И. Кузнецов, Л.В. Васильев, Е.Л. Кривченко, Д.Н. Шмелев, Г.С. Щур и др.).

Важное место в методологической системе данной работы занимают исследования иранистов (Е.Э. Бертельс, И.С. Брагинский, В.А. Лившиц, И.М. Оранский, Н.И. Пригарина, В.С. Расторгуева, Ю.А. Рубинчик, И.М. Стеблин-Каменский, Л.С. Пейсиков, С.М. Пелевин,

Д.И. Эдельман); труды отечественных авторов (П.Д. Джамshedов, Г. Джураев, Р. Гаффаров, Т. Зехни, Б. Камолиддинов, О.Х. Косимов, Х. Маджидов, Н. Маъсуми, А. Мирзоев, М. Мухаммадиев, А. Мухаммедходжаев, Т. Нарзикулов, Ш. Ниези, Б. Ниязмухаммедов, А. Нурув, Д. Саймиддинов, С. Халимов, С.Д. Холматова, М. Шукуров).

Представленная работа также опирается на достижения когнитивистики (Ч. Филлмор, А.Р. Лурия, Ф. Уилрайт и др.), в том числе российской когнитивной лингвистики и ее основных направлений: культурологического (Ю.С. Степанов), лингвокультурологического (О.В. Коротун, Е.Ф. Тарасов, В.И. Убийко и др.), логического (Н.Д. Арутюнова, Р.И. Павленис и др.), семантико-когнитивного (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др.), философско-семиотического (М.П. Одинцова и др.).

Методы исследования выбирались сообразно характеру материала и поставленным задачам. Общетеоретические методы: метод структурного моделирования, метод позиционного описания, метод контрастного описания, когнитивный анализ, дистрибутивно-статистический метод, контекстный анализ, анализ семантического поля, сопоставительный анализ с учетом лингвокультурологической характеристики исследуемых явлений. Частные методы: метод опроса информантов и метод акустических исследований.

Материал исследования. Основным источником при написании диссертации послужила картотека в объеме свыше 100 000 слов.

Диссертация базировалась на материале 1) толковых словарей персидского языка: Али Акбар Деххудо (1879–1956), Фарханги осори Чоми (Амон Нурув, 1985), Словаря персидского языка Мухаммеда Моин (1996), Гиес-ул лугот (Мухаммад Гиесиддин, 1996), персидско-русского словаря в 2 томах (1996), Фарханги ашъори Камоли Хучанди (Абдучаббори Шохахмад, 1996), Фарханги мухтасари «Шохнома» (1996), ФЗТ (1969), Фарханги Айни, Фарханги точки ба руси (Зери тахрири С. Салихов, С. Каримов, С.Д. Холматова(2004), 2) таджикско-русского, русско-таджикского словарей, словарей русского языка в четырех и 17 томах, а также художественных произведений русской и таджикско-персидской литературы. Материал для исследования был собран по принципу сплошной выборки из художественных произведений авторов таджикско-персидской литературы Х–XX вв.

Положения, выносимые на защиту:

1. Семантический анализ лексики естественного языка предполагает расщепление ее на два уровня 1) семантический (уровень национальной семантики); 2) глубинно-семантический (уровень универсальной семантики). На уровне национальной

семантики: а) эксплицируются все выраженные в предложении значения, в том числе и те обязательные (обусловленные) значения, которые семантически нерелевантны; б) эксплицируются отношения синонимии между предложениями данного языка («национальная» синонимия) и тем самым показываются системные семантические связи между различными содержательными единицами языка. На глубинно-семантическом уровне – элиминируются все семантически нерелевантные значения. Соотношение поверхностных и глубинных семантических структур имеет важное значение не только для понимания сущности мыслительных процессов, но и для анализа вопросов перевода. Адекватный перевод с языка на язык должен происходить без семантических потерь и приобретений, что в свете рассмотренных фактов семантической несоизмеримости разных языков предстает как трудно достижимый идеал.

2. На материале таджикского (персидского) языков уточнено понятие лексического значения слова. Предметом особого внимания являются три важнейших свойства лексических значений: национальная специфика, многослойность (расслоение значения на пресуппозиции, модальную рамку, семантические ассоциации). 1) Пресуппозиции – элементы толкования, которые остаются неизменными под отрицанием. Так, в слове *сархур* – 'мужчина, у которого умирают жены' первый компонент ('мужчина') образует пресуппозицию *сархур*, а все остальные – собственно значение. 2) Модальная рамка – лексическое значение, содержащее оценку обозначаемой словом ситуации. Оценочные компоненты характерны для некоторых семантических классов модальных слов и наречий (*шиддат* – интенсивность; *гоят* – предел, крайняя степень; *ниҳоят* – крайняя степень, предел): «*Лейкин мо гумон намекунем, ки ўро ба ин наздикиҳо хоб бурда бошад, танҳо шиддати андӯх, гояти алам ва ниҳояти маъюси ўро ба ҳолате овордааст, ки бинанда гумон мекунад, ки хоб аст*» (С. Айнӣ, Одина). – «Однако мы не думаем, что она спала в последнее время, только сила горя, крайняя степень печали и предел отчаяния привели ее в такое состояние, что любой увидевший примет ее за спящую». 3) Семантические ассоциации отражают связанные со словом культурные представления и традиции, историю его литературной обработки, его этимологию, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы. Понятие семантической ассоциации можно иллюстрировать словом *شمر*, которое под влиянием своей этимологии наводит на мысль о зле, жестокости.

3. На основании анализа семантической структуры лексических единиц установлено, что каждая сема входит в большое число лексических значений, разнообразие которых возникает за счет различий в составе сем или в их синтаксической организации.

Данный тезис подтверждается семантическим анализом лексических единиц семантического поля «Человек».

4. Проведена граница между лексической и семантической сочетаемостью. В первом случае сочетаемостные ограничения нельзя задать иначе, как список слов, с которыми сочетается данное слово. Информация о том, каким должно быть само слово *B* или класс слов B^1, B^2, B^3 , с которыми связано слово *A*, составляет лексическую сочетаемость *A*, или лексические ограничения на сочетаемость *A*. Во втором случае сочетаемостные ограничения можно задать указанием семантического признака. Информация о том, какими семантическими признаками должно обладать слово *B*, синтаксически связанное с *A*, составляет семантическую сочетаемость *A*.

5. Семантические компоненты, входящие в семантическую структуру лексических единиц, могут быть постоянными, характеризующими ее в любом случае употребления, и переменными – вероятными, но не обязательными. Так, для слова *дил* в таджикском (персидском) языке постоянным является компонент – *орган кровообращения, желудок*, جگر *دل* – *сердце и печень, потроха, ливер, живот, чрево*; переменные – *душа*: دل سخت – *жестокое, каменное сердце*; دل نازک – *нежная, чувствительная душа; храбрость, отвага, мужество, доблесть, сила духа* – در هر کار دل لازم است – *в любом деле нужна смелость*.

6. Анализ семантической структуры лексических единиц показал, что общность элементов членения в каждом языке является производным от строения системы языка, от того, каким образом данный язык представляет то или иное «поле» действительности. Отношения между русскими словами *лицо* – *лик* отличны от отношений таджикских (персидских) *ру(й)* – *чехра* (رو – رخ – چهره). Слова *ру(й)* – *чехра* (رو – رخ – چهره) – в таджикском (персидском) языке являются членами одной лексической микросистемы в силу того, что соответствующие реальные объекты соположены (смежны) в экстралингвистическом «исходном материале» членения. Отношения между этими словами обусловлены спецификой сетки, то есть строением системы таджикского и персидского языков, которая представляет их – и формально, и содержательно – как два (и более) отдельных лингвистических объекта, тогда как в русском языке двух лингвистических объектов из того же «исходного материала» может не получиться или отношения между ними могут оказаться иными. Ср. русские слова *лицо* – *лик*; *лик* + *есть* *лицо* (трад. поэт.), тогда как *ру(й)* – *чехра* – رو – رخ – چهره вместе образуют то, что соответствует русскому *лицо*; кроме того, сфера употребления слова *лик* уже, как по сравнению со словом *лицо*, так и по сравнению со словами *ру(й)* – *чехра* (رو – رخ – چهره); Ср. неестественность русского

сочетания *открытый лик (открытое лицо)* при полном соответствии норме таджикского (персидского) сочетания *чехраи кушод (рӯи кушод)*.

7. Определение лексической многозначности строится через определение сходства значений. Слово называется многозначным, если любые два его значения сходны либо связаны друг с другом цепочкой попарно сходных значений. Следовательно, не требуется, чтобы общая часть была у всех значений многозначного слова; достаточно, чтобы каждое значение было связано хотя бы с одним другим значением. Систематизированы типы лексической многозначности и установлено, что в таджикском (персидском) языке наиболее продуктивными являются метафорически и метонимически мотивированная многозначность.

8. На основании анализа многозначности слова и диффузности значений было установлено, что принцип диффузности значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику. Совместимость, диффузность значений создают в поэзии эффект «смысловой емкости», «смысловой многоплановости слова», на который постоянно обращают внимание исследователи художественной речи.

9. Анализ синонимических отношений между лексическими единицами дает основание утверждать, что в таджикском (персидском) языке преобладает семантическая нейтрализация различий между синонимами. Отличительной чертой многих лексических значений, которые складываются из нескольких смысловых компонентов, является то обстоятельство, что эти компоненты не во всех контекстах реализуются в полном составе: иные контексты препятствуют реализации некоторых компонентов. Если два синонима, различающихся на смысл 'А', попадают в контекст, где реализация этого смысла невозможна, то в этом контексте смысловое различие между ними нейтрализуется (снимается), и они приобретают способность заменять друг друга, оставляя неизменным содержание высказывания.

10. Выделены два семантических типа отношений между антонимами, введены понятия простой и сложной антонимии. Указаны регулярные способы образования антонимов и систематизированы возможные типы сочетаемостных различий между ними.

11. Синтагматический анализ лексем в двух языках позволяет выделить три аспекта сочетаний: 1) Лексическая сочетаемость с учетом как денотативных, так и коннотативных сочетаний данного слова (денотативное сочетание таджикского (персидского) «*дасти кушод – открытая рука*» в результате переосмысления получает коннотативную значимость «*щедрость*»; или دست خوب – «*хорошая рука*» – коннотация – «*человек, приносящий счастье*»). 2) Идиоматический контекст. Различие семантических систем исследуемых языков обнаруживается главным образом при сопоставлении наиболее

четко обусловленных синтагматических употреблений слов в речи.

3. Контекстуальное значение слова. Контекст в той степени, в какой он отражает синтагматические зависимости, характеризующие слова как единицы языка, не создает «контекстных значений», противоречащих «собственным» лексическим значениям слов. Значения, которые можно бы назвать «контекстными», противопоставляя их «собственным» значениям слов, возникают тогда, когда о них нельзя говорить как о результате какого-либо регулярного, хотя бы и изолированного в языке или специфического сочетания слов.

12. Проведенный анализ сферы сочетаемости анализируемой группы лексических единиц на синтаксическом уровне позволил выделить два вида изафетных конструкций в таджикском и персидском языках. 1) Метафорические изафетные конструкции (81 % выделенного корпуса). В данных конструкциях первый компонент употребляется в переносном значении и представляет собой метафору. Например, в следующем предложении, слово *даст* – *рука* употреблено в переносном значении и означает «события»: دستِ روزگار مرا از دامانِ مادرِ جدا کرد. – «Жизненные события разлучили меня с матерью» 2) Сравнительные изафетные конструкции. В подобных изафетных конструкциях первый компонент (мозаф), как правило, уподобляется второму компоненту. Например: *روي ماه* «лицо, подобное луне» (красивое, как луна); *لبِ لعل* – «рубиновые губы»; *چشمِ آهو* – «глаза, как у оленя» (по красоте).

13. Семантическое поле «انسان – Человек» отражает ментальность, своеобразие национального характера того или иного народа и в силу этого служит ценностно-смысловым репрезентантом коллективной языковой личности. Универсальность семантического поля «انسان – Человек» проявляется в содержательном и формальном его инвариантах, что свидетельствует о единой познавательной и логической структуре мышления генетически различных народов.

14. Асимметрия обнаруживается в синтагматических и парадигматических несоответствиях, в семантике и структуре лексических единиц семантического поля «Человек» в системе разноструктурных языков. Структурно-семантическая специфика лексических единиц проявляется в синтагматической валентности. Определение сочетаемостных ограничений способно выявить тонкие нюансы смысла, связанные с особенностями национального менталитета.

15. Социокультурные стереотипы, которые отражаются в лексических единицах, зависят от культурно-дискурсивного пространства, в котором находится человек, относящийся к таджикской, персидской и русской языковой личности. Эмоциональное, интеллектуальное и поведенческое воздействие на коллективную языковую личность

реализуется с помощью целого комплекса лингвистических и внелингвистических средств. Языковое оформление лексических единиц семантического поля «انسان – Человек» свидетельствует о различной стилистической окрашенности: персидские и таджикские лексические единицы тяготеют к возвышенному стилю, к поэтичности, русские – нередко характеризуются определенной сниженностью стиля.

16. При сопоставлении единиц высокого уровня (лексические единицы семантического поля «Человек») расхождения между таджикским (персидским) и русским языками менее значительны, что частично объясняется общими причинами: чем больше по объему сопоставляемые единицы, тем менее глубоки расхождения. Значительные расхождения проявляются при сравнении инвентаря сем, на которые разлагаются лексические единицы в каждом из рассматриваемых языков, и семных структур в каждом языке.

17. Сопоставление лексических единиц в системе разноструктурных языков дает уникальную возможность использовать характерологический подход, поскольку отдельными целостными системами родственные языки идеально подходят для сравнения.

18. Исконно таджикские (персидские) слова в памятниках письменности являются основной структурно-семантической базой, которая служит для образования новых аффиксальных и сложных производных единиц.

19. Системный анализ лексического состава памятников письменности дает возможность реконструировать наиболее полный корпус исконной лексики таджикского (персидского) языка.

20. Дифференциация значения лексических единиц в процессе исследования лексики семантического поля «Человек» в памятниках письменности дает возможность корректировать семантику целого ряда лексических единиц и их дериватов в письменных памятниках, зафиксировать слова, не нашедшие отражение в классических и современных словарях языкового ареала. Причиной приобретения лексическими единицами специфических оттенков значения являются конкретизация семантики, расширение смысла, метафорическое и переносное использование средств выражения.

21. Было установлено, что переосмысление слов и словообразование являются ведущими процессами формирования словарного состава таджикского (персидского) языка на протяжении X–XX веков. Таджикский (персидский) язык сохранял и сохраняет свой иранский характер, о чем свидетельствует не только вся языковая система в целом, но и тот древнейший и развившийся в дальнейшие периоды иранский фонд слов, который служит основной, жизнеспособной и наиболее устойчивой частью словарного состава.

Достоверность полученных результатов и научная обоснованность исследования обеспечиваются тем, что выводы основываются на результатах эксперимента, проведенного на крупном текстовом корпусе, включающем как оригинальные, так и переводные тексты.

Апробация работы. Материалы по теме диссертации представлены на международных конференциях «Гуманитарные науки и современность» (Москва, 2012); «Актуальные проблемы методики обучения иностранным языкам в свете межкультурной коммуникации» (Екатеринбург, 2014); «Язык. Культура. Коммуникация» (Челябинск, 2014). Основные положения диссертации обсуждались также на всероссийских научных конференциях, «Язык. Человек. Картина мира» (Екатеринбург, 2015), «Редакторские чтения» (Екатеринбург, 2010). Сделано около 20 докладов на конференциях регионального уровня. По теме диссертации опубликованы четыре монографии общим объемом 40,1 п. л., а также 30 статей и тезисов общим объемом 30 п. л., из них 16 статей опубликовано в журналах, входящих в Перечень ВАК РФ.

Диссертация прошла апробацию на кафедре профессионально-ориентированного и языкового образования Уральского государственного педагогического университета 24 апреля 2015 года и была рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка затекстовых ссылок, списка литературы, который содержит 484 наименования, списка источников.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении содержится обоснование актуальности темы, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, дается характеристика анализируемого материала, методов, методологической и теоретической баз исследования, раскрывается его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются гипотеза исследования и положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Концептуальный аспект структуры семантического поля» рассматриваются проблемы, связанные с группировкой лексических единиц и лингвистической сущностью семантического поля, подробно рассмотрены такие характеристики поля, как: а) универсальный характер полевой организации единиц; б) психологическая реальность этого способа организации; в) голографичность структуры поля (то есть способность проявлять все свои свойства на любом ограниченном участке, обладать свойствами всего множества).

Проблема группировки лексических единиц является одной из сложнейших в числе других лингвистических проблем. Многие тенденции современной лингвистики так или иначе связаны с явлением семантического поля, которое, несмотря на давнюю традицию своего описания, продолжает активно исследоваться и в настоящее время, что вполне объяснимо его значимостью для изучения семантики в целом, так как «законы семантики выявляются не в отдельных словах, а в группах и системах слов, в “полях слов”» [Степанов, 1990, 439].

Изучение разного рода полей, начатое в 20–30-е годы XX века в зарубежной лингвистике, до сих пор остается актуальным и важным. В современной лингвистике выявлены и изучены достаточно полно и глубоко различные типы полей. Об этом свидетельствуют научные труды многих российских ученых (Ю.Д. Апресян, Л.Г. Бабенко, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, А.М. Кузнецов, В.П. Москвин, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, А.А. Уфимцева, Г.С. Щур и др.).

Здесь важно отметить, что попытка расклассифицировать группы слов на «семантические поля», «тематические группы» была также предпринята создателями средневековых арабско-персидских словарей. Рассматривая рубрики средневековых арабско-персидских тематических словарей, в частности «Мукаддимат ал-адаб» Замахшари, составившего помимо этого двуязычного словаря обширный комментарий к Корану, мы встретились с исследованием, указывающим на непосредственную связь одной рубрики словаря Замахшари с рубрикой словаря среднеперсидского языка «Фраханг и пахлавик» и зороастрийской «Книгой бытия» – «Бундахишн». Речь идет, условно говоря, о «плодах», «фруктах» или «орехах и фруктах». Они делятся в указанных источниках на те, у

которых едят только наружное (вишни, персики), и те, у которых едят то, что внутри (арбузы, грецкие орехи и т. п.). В словаре Замахшари слова арабского и персидского языков расположены по тематическим главам, причем внешне, по методике это расположение не отличается от, скажем, словаря Ф.Д. Дорнзейфа, только что словарь Замахшари двуязычный. Такие же априорные рубрики, которым подчинен материал.

Для нашего исследования наиболее важными представляются следующие положения: 1) при употреблении единицы языка в сознании для его понимания активизируются его другие единицы: слово, например, понимается в контексте семантического окружения; 2) семантическое поле полностью воспроизводит понятийную картину данной языковой общности; 3) поле обеспечивает непрерывность семантического пространства; 4) природа связей между единицами поля различна; 5) состав и структура полей в разных языках имеют свою специфику. В этих положениях содержатся предпосылки для использования семантического поля с целью проникновения в концептуальную картину мира и выявления ее национально-культурной специфики.

Исследование семантических полей показало, что лексические единицы, входящие в то или иное семантическое поле, не представляют собой хаотичный набор лексем, а построены по принципу внутренней организации. Как писал по этому поводу немецкий ученый Г. Ипсен: «Собственные слова некоторого языка не стоят в языке изолированно, но всегда упорядочены в семантические группы; при этом имеются в виду не этимологические объединения, построенные вокруг иллюзорных “корней”, а такие, в которых реальное смысловое содержание слов связано с таким же содержанием других слов» [Ипсен, 1932, 110]. Однако эта связь понимается не как бесконечно тянущиеся друг за другом ассоциативные нити, а таким образом, чтобы вся эта группа очерчивала границы определенного поля значений, которое в свою очередь само членится: «как в мозаике соединяется здесь слово со словом, одно вплотную к другому, так что в итоге их контуры совпадают, и все вместе они восходят к смысловому единству высшего порядка» [Караулов, 1976, 56].

На распределение слов в семантическом поле большое значение оказывают дополнительные оттенки значений. Чем больше в определении дополнительных (семантических и стилистических) характеристик, тем дальше данное значение располагается от ведущего слова поля. И, таким образом, вырисовывается контур поля: его ядро – заглавное слово – и ближе или дальше отстоящие от него члены поля, на периферию поля могут внедряться в своих семантических вариантах также члены соседних полей. В то же время члены данного поля могут в своих вариантах входить в другие поля. Выявление

специфических свойств каждого члена лексико-семантического поля проводится, как указывалось, путем анализа семантико-синтаксических полей.

О структуре семантического поля можно утверждать следующее: поле является ядерной структурой, в составе которой выделяют ядерные и периферийные конститuentы. Ядерные конститuentы наиболее специфицированы для выполнения функций поля, систематически используются, наиболее частотны по сравнению с другими конститuentами и обязательны для данного поля. Граница между ядром и периферией может быть размытой, нечеткой. Конститuentы поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого поля или полей. В результате разные поля могут накладываться друг на друга, образуя зоны постепенных переходов, что является «законом полевой организации системы языка» [Стернин, 1985, 85].

Как показали результаты исследования, семантическое поле характеризуется с разных сторон: часть его характеристик у ряда авторов совпадает почти буквально, отдельные характеристики противоречат одна другой, некоторые оказываются уникальными.

В семантическом поле, как предмете лингвистического исследования, следует выделить два аспекта: конкретно-языковой и универсально-понятийный. Это означает, что семантическое поле может рассматриваться как группировка средств данного языка, взаимодействующих на семантической основе (конкретно-языковой аспект), либо (со стороны содержания) как семантическая зона, к которой относятся охватываемые ею средства не только данного языка, но и других языков.

Другим комплексным свойством поля является подчеркиваемая во многих определениях специфичность его в разных языках. Это сложное свойство проявляется, по крайней мере, в двух характеристиках: во-первых, в исторической обусловленности его состава и структуры, во-вторых, в неповторимых национальных особенностях внешних связей полей друг с другом, которые были положены в основу гипотезы о несводимости «картины мира» в разных языках.

Во второй главе «Структура семантического поля “Человек” в русском, таджикском (персидском) языках» анализируются лексические единицы, репрезентирующие внутреннего и внешнего человека, доказывається национальная специфика концептуализации действительности, свойственная языку, выявляются универсальные и индивидуальные свойства языковых ментальностей.

Большинство лингвистов указывают на сложное строение и динамический характер ментального лексикона. Так, А.А. Залевская пишет о том, что внутренний лексикон представляет собой «чрезвычайно сложную систему многоярусных, многократно

пересекающихся полей, с помощью которых упорядочивается и хранится в более или менее полной готовности к употреблению в деятельности разносторонняя информация о предметах и явлениях окружающего мира, об их свойствах и отношениях, об их оценке индивидом, как и о лингвистических особенностях, обозначающих их вербальных единиц» [Залевская, 1999, 384]

В настоящей работе сложность внутреннего лексикона нас интересует в первую очередь в связи с тем, что, как уже говорилось выше, в нем отражаются представления о мире, классификация явлений и предметов, то есть картина мира. Картина мира сама по себе также явление многоуровневое.

Вслед за М.П. Одинцовой образ человека трактуется нами как «концентрированное воплощение сути тех представлений человека о человеке, которые объективированы всей системой семантических единиц, структур и правил того или иного языка» [Одинцова, 2008, 8–11].

Каждый естественный язык, как известно, отражает определенный способ восприятия и организации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, вследствие чего носители разных языков могут видеть мир по-разному, через призму своих языков.

Объектом исследования в данной главе были выбраны лексические единицы номинирующих лиц по некоторому внутреннему признаку. Эта словесная группировка как фрагмент языковой картины мира репрезентирует в русском и таджикском (персидском) языках внутреннего человека, то есть человека во всем многообразии черт его характера, природных или приобретенных способностей, склонностей и т. д.

Цель настоящей работы состоит в изучении и описании компонентов семантической структуры лексических единиц современных русского, таджикского (персидского) языков, которые называют людей по внутреннему признаку и представляют в языке образ человека во всем многообразии его внутренних особенностей. Для реализации поставленной цели предполагается решение следующих задач: рассмотреть существующие подходы к описанию семантического пространства внутреннего человека; основываясь на достижениях системно-функционального описания лексических множеств в научной литературе, определить понятие «внутренний признак»; выявить, описать и сопоставить состав лексико-тематической группы таджикских (персидских) и русских лексических единиц, номинирующих людей по внутреннему признаку, путем идентификации и

дифференциации изучаемых лексических единиц по тем или иным компонентам их значения. Идентифицирующие семы, то есть семы, присущие единицам в двух языках, приводятся для всей лексико-тематической группы, а семы, свойственные лишь отдельным единицам двух языков, то есть дифференциальные семантические признаки (ДСП), и всевозможные стилистические пометы приводятся в скобках непосредственно после того слова, которому они свойственны.

Реконструкция языкового образа внутреннего человека в нашей работе осуществляется с опорой на формализованные, получившие системно-языковое воплощение смыслы – семантику субстантивов, употребляющихся в современном русском, таджикском (персидском) языках для номинации человека по его внутреннему признаку. Лексические единицы, представляющие тематическую группу «внутренний человек», отбирались методом сплошной выборки из дифференциальных лексикографических источников (Фарҳанги забони тоҷикӣ, персидско-русский словарь, толковый словарь русского языка (4 т.), словарей синонимов и антонимов русского языка), а также из художественных произведений таджикских (персидских) авторов X – XX веков. Использование лексикографического материала было продиктовано тем, что в словарях зафиксированы наиболее употребительные лексические единицы русского, таджикского (персидского) языков, в которых сохранено то, что выкристаллизовалось в процессе взаимодействия разных форм бытования языка в ходе реальных речевых взаимодействий носителей языка, что позволяет получить объективные данные в сопоставительном плане. Кроме того, словарные толкования дают самые общие и главные представления о семантике слов, так как описанию в лингвистике подлежит системное или общезыковое значение, которое обеспечивает взаимопонимание между носителями языка в процессе коммуникации.

Будучи фрагментом языковой картины мира, языковой образ внутреннего человека имеет все присущие ей существенные отличия от традиционных, выработанных в процессе познавательной деятельности человека научных моделей мира.

Исследование значения слова возможно лишь путем его сравнения со значениями других слов той же лексико-тематической группы. Это сравнение принимает форму истолкования, «перевода» посредством как знаков того же языка, так и знаков другого языка [Гак, 1998, 764]. Поэтому в семантических исследованиях наряду с внутриязыковым анализом издавна применялся межъязыковой сопоставительный метод.

Отобранные нами лексические единицы, характеризующие человека по его внутреннему качеству, можно, на наш взгляд, разделить на несколько подгрупп, в зависимости от семантической структуры каждой из единиц. Следует при этом оговориться, что границы между указанными группами весьма условны, четко разграничить их

практически невозможно, так как большинство слов характеризуют человека не по одному конкретному признаку, а по целому набору внутренних качеств, но все эти единицы объединены интегральным признаком «лицо как носитель некоторого внутреннего признака». Среди них: 1) лексические единицы, которые номинируют человека непосредственно по определенному качеству его характера, а также некоторым заложенным в нем природным способностям: «*Сиехдили бадботин,– гуфт падарам худ ба худ гур-гур-кунон*» (С. Айнӣ, Еддоштҳо, 1, 24) – «*“Черное сердце, черное нутро”, – проворчал про себя отец*»; 2) поведение человека, образ жизни, позиционирование себя в обществе : «*جوانى پاکباز پاکرو بود که با پاکیزه رویی در گرو بود*» (Саъдии Шерозӣ, Гулистон, 97) – «*Чистый и целомудренный юноша Был увлечен некой красавицей*»; 3) интересы человека, склонность к определенной деятельности; 4) в подгруппу интеллектуальных свойств вошли лексические единицы, связанные с процессами мышления и восприятия: *Кавдан – كودن : پیش . یک از دانشمندان فرستاد که مراین را تربیتی می کن مگر عاقل شود .*

«*У одного из везиров был тупица-сын; послал он его к одному из ученых: мол, воспитывай его, быть может, поумнеет он*; 5) лексемы, характеризующие человека по его мимике, особенностям проявления тех или иных эмоций: «*Падарам пешонаи худро кадре турии карда хомуш истод ва якбора хандакунон ба хотиб нигоҳ карда, гуфт...*» (С. Айнӣ, Мактаби кӯхна, 46) – «*Отец, нахмурившись, помолчал какое-то время, и, неожиданно рассмеявшись, обратился к хатибу и сказал...*»; 6) лексемы, которые характеризуют речевую деятельность человека, особенности той информации, которую он обычно озвучивает: «*Духтарак ҳам ба ин ҷавони хушзабони меҳрубони хушмуомила муҳаббати покдилона монда аз вай ҷудо шудан ва як нафас бе у монданро намехостааст*» (С. Айнӣ, Еддоштҳо, 1, 30) – «*Девочка тоже всем сердцем привязалась к доброму веселому юноше, ни на секунду не хотела с ним разлучаться и оставаться одной*»; 7) последняя из выделенных нами групп представлена лексемами, которые характеризуют человека опосредованно, через его отношение к таким значимым объектам действительности, как: 1) к трудовой деятельности: «*Дар вақтҳое, ки ман ед дорам, у тахминан 50-сола буда, устои дурӯдгари бисер хунарманд буд*» (С. Айнӣ, Еддоштҳо, 1, 28) – «*В то время, о котором я пишу, ему было около пятидесяти лет и он славился как искусный плотник*»; 2) к предметам материального мира: «*Ман ҳам падари он бачаро хасис ва сахтдаст мешумурдам ва он вақт намедонистам, ҳаит пулро, ки баробари ду тин аст, чи қадар қурбу манзалат дошт ва ефтани он барои камбағалон чи андоза душвор буд*» (С. Айнӣ, Мактаби кӯхна, 26) – «*Я также считал отца этого мальчика скрягой, тогда я не знал, что стоило бедняку, чтобы заработать эти деньги*” ;

3) к еде: «*Инҳо ба ҳар давраи **чойнушон**, ки меомаданд, бачагон дар давра менишастанд...*» (там же, 1, 82) – «*Они подходили то к одной, то к другой группе **посетителей**, и юноши сразу же к ним присаживались...*»; 4) к другим людям: «*Ин золими гаддор, ки райони Гиждувон, хусусан деҳоти Соктареро хуб медонист, зулмаширо беиштар дар ҳамин сарзамин иҷро кард*» (С. Айнӣ, Еддоштҳо, 1, 123) – «*Этот жестокий тиран хорошо знал район Гиждувона и в особенности окрестные селения*»; 5) к себе: «*Падарам ин гуна пуртоқати маро дида: “Офарин писарам!” – гуфт*» (С. Айнӣ, Еддоштҳо, 1, 97) – «*Отец, увидев такую мою выносливость, воскликнул: “Молодец, сынок!”*».

Как показало исследование, структура лексических единиц, характеризующих природно-приобретенные свойства человека, более сложна.

Данная группа была разделена нами на эмоциональную и волевою подгруппы. Разделение проводилось на основе установления связи с разными сторонами психики человека.

В подгруппу лексико-семантических вариантов слов, называющих эмоциональные свойства, на основании дифференцирующей семы «форма выражения эмоций» нами были выделены два ряда единиц: 1) единицы, содержащие сему «эмоциональное состояние» и 2) единицы, содержащие сему «эмоциональное проявление».

Лексические единицы, содержащие сему «эмоциональное проявление», отличаются сложностью своей структуры и объемом.

При анализе лексических единиц, содержащих сему «эмоциональное состояние» (на материале таджикского (персидского) языка), появилась возможность выделить подгруппы производных от лексем *дил* – **د** *сердце*.

Сердце – символ во многих культурах. В русской культуре это место локализации эмоций. Интересно, что в китайской наивной картине мира эмоции локализуются в почках, в африканской – в печени и в носу, во французской – в селезенке. В таджикской (персидской) картине мира *дил* – **د** – обозначает средоточие эмоций и символизирует чувства, переживания, настроения. Прокомментируем положение иллюстративным материалом: *Дилафсурда, Дилношод, Дилреш, Дилсухта, Дилтанг, Хуниндил, Хунинчигар, Шодондил*.

Дилафсурда – «*мурдадил, берух, беҳиссу ҳаракат*» – 1) *бесстрастный; вялый, апатичный*; 2) *унылый, печальный, грустный*»).

Дилношод – «*гамгин, маҳзун*» – («*печальный, грустный, огорченный; унылый; заунывный; тоскливый*»).

Дилтанг – «озурда, ранҷида, гамгин, зиқ» – («огорченный, обиженный, расстроенный, измученный»): «Ман аз ин ҳол **дилтанг** шуда, ба Ибрагимхоҷа гуфтам: – “Охир маро ба ягон ҷои тамошо баред!”» (С. Айнӣ, Еддоштҳо, 1, 80) – «Я очень **расстроился** и сказал Ибрагим-ходже: “Отведите нас в другое место, где можно хоть что-нибудь увидеть”».

Или **длафтاده** – «огорченный; печальный; с разбитым сердцем **длафроз** – «веселый, радостный»; **длафсрде** – «с разбитым сердцем; расстроенный; опечаленный»; **длафгар** – «с болью в сердце; опечаленный; унылый»; **длазрде** – «обиженный, огорченный; расстроенный; опечаленный».

Сердце олицетворяет «центральную» мудрость, мудрость чувства в противовес рассудочной мудрости головы. Оба способа разумны, но сердце – это еще и сострадание. Вот некоторые примеры из литературы:

هرچه کنیی بکن مکن ترک من ایی نگار من
هرچه بریی ببر میر سنگدلیی به کار من
هرچه کشیی بکش مکش باده به بزم مدعیی
هرچه خوری بخور مخور خون دل فگار من

(Шуриде Ширози 1990, 56).

(Делай все, что твоей душе угодно, только не покидай меня,

Бери все, что твоя душа пожелает, но жестокость ко мне не проявляй.

Наливай все, что пожелаешь, не наливай вина на пирю соперника,

Пей все, что угодно, лишь не пей крови моего разбитого сердца).

Нетрудно заметить, что входящие в состав данной подгруппы слова при всем разнообразии и сложности своих лексических значений имеют общий семантический компонент «печаль, грусть». Лишь лексические единицы *Шодондил, دلخوش, دلزنده, دلشد* – «дилшод, хуррамдил, хушҳол» – («радостный, обрадованный; веселый; довольный») – содержат эмоциональную сему «радость».

Важно также отметить, что лексические единицы, входящие в данную подгруппу таджикского (персидского) языка, образованы посредством словосложения – один из продуктивных способов словообразования в системе данного языка: *дилреш* – *дил+реш*; *дилтанг* – *дил+танг* и т. д. Семантический объем такого сочетания в силу слияния двух слов, каждое из которых имеет свои дополнительные оттенки и стилистические нюансы, оказывается большим, нежели каждого из компонентов в отдельности.

В двух языках наименования людей по внутреннему признаку представлены довольно большой группой слов, языковую характеристику внутреннего человека можно с уверенностью назвать разносторонней. Особенности исследуемых наименований заключаются прежде всего в том, что в семантической структуре соответствующих лексических единиц чаще всего

присутствует указание не на один, а сразу на несколько признаков. Кроме того, основная масса единиц в выборке не просто констатирует наличие / отсутствие у человека определенного свойства, но и выражает его оценку: негативную в 80 % случаев и положительную – в 20 %. Связано это, по нашему мнению, в первую очередь с существованием некоторых общепризнанных «Стандартов», отклонение от которых неизменно находит выражение в языке. Обращение в перспективе к разнообразному по стилистической и частеречной принадлежности речевому материалу позволит дополнить образ внутреннего человека.

Лексические единицы «внутреннего мира» образуют довольно единую, но не замкнутую систему (лексико-семантические группы). Единство этой системы обусловлено, главным образом, двумя факторами: во-первых, соотносительностью с более или менее однородной областью человеческого «мира» (внутреннего), во-вторых, структурными оппозициями и тождествами языковых единиц (слов) по тем или иным их семантическим признакам. Особенно важным является второй фактор, ибо именно он определяет характер языковой структуры лексико-семантических групп.

Однако, наряду с общими, нами были выявлены специфические черты двух языков.

Как показали результаты исследования, более значительные расхождения проявляются при сравнении инвентаря сем, на которые разлагаются лексические единицы в каждом из рассматриваемых языков, и семных структур в каждом языке. Например, сема «обидчивый, чрезмерно щепетильный (человек)» свойственна только для русского языка, где имеется слово *Недотрога*, которое характеризуется именно этим дифференциальным признаком, также как сема «вялый (о человеке)», характеризующая только русское слово *Размазня*; семы «тонкая натура» и «с мягким сердцем» существуют только в таджикском (персидском) языке, который располагает словами *Нозуктинат* – «тонкая натура» и *Нозукдил* – «с мягким сердцем»; сема «низкий (о человеке)» специфична для таджикского (персидского) языка и фигурирует в семных структурах слов *دوغا* и *دوذهمت*.

В большинстве случаев семантическое пространство членится в разных языках примерно одинаково; специфические особенности каждого языка проявляются в способе членения, в материале, то есть в лексической субстанции, в количестве используемых лексических элементов для обозначения полученных отрезков и в их организации на различных участках. Там, где эта организация отражает объективную организацию действительности, специфика меньше, она появляется там и тогда, где и когда объективных критериев нет. В этих случаях вступает в свои права специфическое видение картины мира, которое в силу различных традиций у разных народов различно.

Наиболее яркими особенностями рассмотренных лексико-семантических групп в таджикском (персидском) языке по сравнению с русским являются следующие: а) широкое

использование «поэтических синонимов»; б) арабские заимствования; в) словосложение; г) детерминативы; д) энантиосемия; е) семантическая гипертрофия слова.

Сопоставление результатов анализа лексико-семантических вариантов слов, характеризующих человека, в разноструктурных языках показало: а) обоснованность выделения субстантивов, характеризующих внутренний мир человека; б) устойчивость семного состава анализируемых ЛСВ слов-характеристик; в) постоянство характера внутрисистемных отношений анализируемых лексико-семантических вариантов.

Следующий параграф «Анализ лексических единиц, входящих в лексико-тематическую группу “Внешний облик человека”» посвящен сравнительному анализу языковых ментальностей, позволяющему выявить универсальные и индивидуальные свойства языковых ментальностей, которые, естественно, не могут быть обнаружены путем изолированного рассмотрения.

В данном параграфе мы попытались выяснить, с помощью каких лексических средств носители русского, таджикского (персидского) языков описывают внешность, сравнить эти способы описания и понять, какие культурологические факторы являются причиной сходств и различий.

Нами были проанализированы следующие источники: художественные произведения, принадлежащие перу персоязычных и русскоязычных авторов; национальный корпус русского языка; толковые словари таджикского (персидского) языка. Из указанных источников выписаны определения, используемые при описании таких частей тела, как *лицо, глаза*.

В ходе анализа текстов в двух языках нами было замечено, что при описании внешности человека используются главным образом цветовые сравнения. Подобные сравнения используются, с одной стороны, для описания объективно воспринимаемого цвета *лица* человека, а с другой стороны, для интерпретации (оценки) цвета *лица*, как сигнала благоприятного / неблагоприятного физического или психологического состояния человека. Референция к концепту объекта, с которым сравнивается лицо человека, способствует не только уточнению его цветового признака, но и передает дополнительную информацию различного рода.

Таким образом, аналогия, установленная между лицом и объектом, с которым оно сравнивается, выходит за пределы цвета и охватывает другие объективные нецветовые признаки. Рассмотрим следующие примеры на материале русского языка: «*“Чистый купец!” – радовалась Надежда, сама толстая и красная от кухонного жара, как медный самовар*» (Л.Н. Андреев). Сравнительная конструкция с основанием *красный* выражает отмеченное автором сходство лиц персонажей с самоваром по цветовому признаку. Под воздействием знаний о

типичных признаках самовара (круглая форма, высокая температура, блеск) в содержании лексемы *лицо* происходит активация аналогичных им вероятных характеристик (*полнота, разгоряченность, лоск*). Эти выводимые из сравнения дополнительные признаки лица отражены в словарных толкованиях сравнения *красный, как медный самовар*: «о раскрасневшемся (от жара, сильных эмоций и т. п.) человеке (обычно толстом и круглолицем)» [Мокиенко, 2003, 376].

В следующем примере сравнительная конструкция выражает установленное наблюдателем сходство женского лица с жемчужиной не только по цветовому признаку. Следует отметить, что подобное сравнение характерно главным образом для таджикско-персидской поэзии: «*Биемад аз он ҷойгоҳ шодком, Рух аз хуррами гаит еқутфом*» (А. Фирдавси, Шохнома) или «*Баски аз мастист бар рухсори чун лаълаш арақ, Ҳамчу марҷоне, ки бинмояд рухаи гулгун дар об*». (Туғрал, Ғазал). Здесь уместно заметить, что женская красота в таджикско-персидской поэзии сравнивается с такими драгоценными камнями, как: *еқут – рубин; марҷон – жемчуг*. Например, сравнение с *еқут – рубином*:

شبهت الاوتى بى جنة النفس من الحور بالياقوت لكون الياقوت
مع حسنه وصفاته ورونقه و بهانه ذا لون احمر مناسب لون النفس

«... Гурии, находящиеся в раю души, сравниваются с рубином, так как он, кроме его красоты, его чистоты, его блеска и его прелести, красного цвета, соответствует цвету души» [Бертельс, 1965, 524]. Для сравнения с *марҷон – жемчугом* мы находим следующее пояснение: «А [находящиеся] в раю сердца [гурии] сравниваются с жемчугом за их крайнюю белизну и светлость:

«شبهت الاوتى فى جنة القلب بالمرجان لقلبه بياضه وذوريته» [Бертельс, 1965, 89].

سر زلفی ز نلز و دلبری پر
– لب و دندانى از ياقوت و از در
از ان ياقوت و ان در شکر خند
مفرح ساخته سودانى چند

(Хусрав и Ширин, Низоми Ганҷавӣ, 51)

А жемчуга зубов, горящие лучом,

Жемчужины морей им не равны ни в чем.

دو شکر چون عقیق اب داده
– دو گیسو چون کمند تاب داده

Два алых сахара, два в ясной влаге – лала

Арканы кос ее чернеют небывало (там же, 49).

لعلشز بوسه را پاسخ نخیزد
– که لعل اروا گشاید در بریزد

He вскроет поцелуй ее уста – строга:

Рубины разомкнешь – рассыплешь жемчуга (там же, 50).

При описании цвета лица и кожи на Востоке особенно ценится белизна, но не бледность. Однако в русском языке бледность может быть интересной и благородной: *«И вот она осьмнадцати лет, но уже с постоянно задумчивым взором, с интересной бледностью, с воздушной талией, с маленькой ножкой, явилась в салонах напоказ свету»* (И.А. Гончаров). С другой стороны, в русском языке признаком красоты часто выступает румяный цвет лица, который ассоциируется со здоровьем: румяный(ая) как (наливное) яблоко (яблочко), как персик, как ягодка (ягода): *«Малаша, девушка лет шестнадцати, стройненькая, смазливенькая, белокуренькая резвушка, с личиком полным, белым и румяным, как свежий персик»* (О.М. Сомов). В приведенных сравнениях прослеживается гастрономическая метафора женщина – лакомый кусочек, характерная для русского языка в описаниях женщин и девушек. Особую красоту в сознании русского человека представляет сочетание белизны кожи и легкого румянца (как кровь с молоком): *«Она была очень хороша собою. Высокий, статный рост и роскошно развитые формы, при белом, как кровь с молоком, цвете лица»* (В.В. Крестовский).

В таджикско-персидской поэзии нами обнаружена интересная деталь красивого образа – блеск поверхности предмета. Это связано, по-видимому, с тем, что в таджикском (персидском) языковом сознании признаком красоты объекта является гладкость его поверхности (сравнение с небесными светилами):

منم خال سیاه روی ماهش * میان چین زلفین مسما

Я – черная родинка на лице ее луны

посреди завитков двух локонов «наименованного»

(Бобо Кухи, Девон);

دل و جان فتنه بر زلف سیاهش – лик подобно луне

دل و جان فتنه بر زلف سیاهش

Лик – месяц молодой, и взор прекрасен черный

Верь: черноокая – источник животворный (там же, 50);

ز مهتر زادگان ماهپیکر – махпайкар – махру – лунолика

بود در خدمتش هفتاد دختر (там же, 49);

ز ماهش صد قصب را رخنه یابی

– چو ماهش رخنهای بر رخ نه یابی

Сто трещин есть в сердцах от сладостной луны,

А на самой луне они ведь не видны (там же, 50);

رخش تقويم انجم را ز ده راه
– فشانده دست بر خورشید و بر ماه

*Ее прекрасный лик запутал строй планет,
Луну он победил и победил рассвет (там же, 50);*

مه از خوبیش خود را خال خوانده
– شب از خالش کتاب فال خوانده

*Луна себя сочтет лишь родинкой пред ней,
По родинкам ее предскажешь путь ночей (там же, 50).*

«Чунин дод посух, ки **“Эй, моҳчеҳр, Дурудат зи ман, офарин аз сипеҳр”**» – «**“О лунолика! Прими, – воскликнул он, – хвалу от неба, от меня поклон”**»; «Сипаҳбад чу аз бора овоз шунид, Нигаҳ карду **хуршедрухро** бидид» (А. Фирдавсӣ, 278) – «Привет услышав со стены высокой, Он встретился глазами с **солнцеликой**»; «Бад-ӯ гуфт: **“Наздики Рудоба шав, Бигуяш, ки, эй некдил, моҳи нав”**» – «Скажи царевне, мига не теряя, **“О кроткая (новая) луна, о благородная”**»; «Бипурсиду гуфтанд бо шаҳрер, Ки чун рафт бар **хубрух** рузгор» – «Спросил: **“Предстали слуги пред владыкой, Поведали о горе луноликой”**»; «Нигаҳ кард Зол андар он **моҳруй, Шигифт омадаш з-он чунон гуфтугуй**» (А. Фирдавсӣ, 279)– «Такая речь царевны **луноликой**, Залу показалось странной, дикой». Данное качество не является обязательным признаком красоты в русском языке. Русский язык преимущественно отмечает глубину и разнообразие оттенков цвета, не делая акцент на блеске поверхности: белые (светлые) как лен, как снег, пшеничные волосы; об иссиня-черных волосах скажут: *волосы (черные) как смоль, уголь, как вороново крыло, как агат, как антрацит, чернее ночи.*

Помимо выражения дополнительных объективно воспринимаемых признаков облика человека цветовые сравнения передают субъективную оценку его внешности (положительную или отрицательную). Оценка внешности человека, как правило, актуализируется под влиянием определенного оценочного отношения к объекту, репрезентирующему цветовой признак. Следующие контексты иллюстрируют актуализацию отрицательной оценки облика персонажей под влиянием репрезентантов цвета, называющих негативно осмысляемые объекты и явления: «**Сайидо, бо дардмандони диери маърифат Ашқи сурху чеҳраи коҳист роҳоварди мо**» – «лицо цвета загара (дословно – лицо почернело от страдания за свой край)» (Сайидо, Фазал); «**Эй ҳамнафасон, маро зи май кут кунед, В-ин чеҳраи каҳрабо чу еқут кунед**» – «Эй, друзья! Налейте вина! Верните рассудок полной чашею вина» (Хайем, Рубой).

Отрицательная оценка может актуализироваться в сравнении с объектом, не представляющим ни эстетической, ни утилитарной ценности, например, в русском языке: «В феврале кончилась полярная ночь. ... Лица прохожих выглядели белыми, как картофельные ростки» (О. Куваев). Сравнение с таким объектом подчеркивает непривлекательность незагорелых лиц.

Оценочное отношение к объекту – репрезентанту цвета – может быть также выражено эксплицитно в опорном компоненте сравнительной конструкции: «У Ольги лицо ровное и белое, как игральная карта высшего сорта из новой колоды» (А. Марингоф). Оценочные характеристики «высокое качество» и «нетронутость объекта», репрезентирующего цвет, актуализируют положительную оценку белизны женской кожи.

Следовательно, выражению сравнениями дополнительных смыслов способствует более сложная, чем кажется на первый взгляд, роль репрезентанта признака. Называя некоторый объект или явление, он способен активизировать в нашем сознании целостное, стоящее за этим названием представление – концепт с определенным набором концептуальных характеристик, а не только той, что выражена в основании. Выраженная в основании характеристика, по которой устанавливается сходство объекта сравнения и объекта – репрезентанта признака, является основой связи соответствующих концептов. Однако взаимодействие сравниваемых концептов может этим не ограничиваться и задействовать другие элементы содержания концептов, которые рассматриваются как сходные для данной ситуации сравнения. Такие элементы из содержания концепта репрезентанта проецируются на содержание концепта объекта сравнения, придавая содержанию последнего определенную конфигурацию.

Следующий концепт нашего исследования «глаза – чашм (چشم)». Выражение глаз является ключом к истинным мыслям человека.

Согласно когнитивному направлению в лингвистике, «человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах внутренних состояний человека» [Кубрякова, 2004, 288].

Одним из важных компонентов характеристики человека в двух языках является семантическая сфера языка, репрезентируемая лексемой *глаза – чашм* – (چشم).

Результаты исследования показали, что в двух языках также наблюдается большое количество сравнительных оборотов, передающих цветовые оттенки глаз, их живой блеск или потускневший взгляд, особенности движения ресниц. В русском языковом сознании наиболее красивыми считаются голубые глаза. Голубой цвет глаз ассоциируется с красотой души, нравственной чистотой, о таких глазах говорят: как васильки, незабудки, анютины глазки, фиалки, лен (цветы льна), небо (небушко), море, цвета небесной лазури и др.: «Он

не мог оторвать глаз от красавицы. В синих, васильковых глазах под длинными ресницами струилось много света и добра» (Е.А. Федоров). «Глаза, как небо, голубые. Улыбка, локоны льняные» (А.С. Пушкин).

В таджикском (персидском) языковом сознании с красотой ассоциируются черные глаза, но красота эта загадочная, обладающая колдовской силой: «Эй, ки умре шуд, ки то беморам аз мижгони ту, Гу: Нигоҳе кун, ки пеши чашми шаҳло мирамат» (Хофиз) – «Твои лукавые глаза меня в смятенье привели, Молю, хоть искоса взгляни, от муки сердце исцели!».

В русском языке красивые глаза нередко сравниваются с глазами следующих животных: глаза как у лани (*книжн.-поэт.*, о красивых, больших, чарующих девичьих глазах), как у газели (*книжн.-поэт.*, о темных, бархатистых и пугливых девичьих глазах), как у серны (*книжн.-поэт.*, о красивых карих девичьих глазах с робким, пугливо-осторожным взглядом), как у лошади (о чьих-либо (чаще женских) больших, выразительных, красивых и печальных глазах, волоокий(ая) (*книжн.*, с большими и спокойными, как бы подернутыми дымкой глазами (*пер. с греч.*, букв. с глазами, как у вола) [Евгеньева, 1999, 189]. Если в русском языке эти образы животных передают особый характер русской красоты, сочетающийся со смирением, печалью, неторопливостью: «Мне особенно нравилось выражение ее лица: так оно было просто и кротко, ... ее глаза, большие, светлые и пугливые, как у лани» (И.С. Тургенев). «Сабина Фанелли была пышнотелая, волоокая красавица, с неподвижной манерою держать себя» (Ф. Сологуб), то в таджикском (персидском) языке сочетается с большими, чарующими девичьими глазами:

به چشم اهو ان چشمه نوش
– دهد شیر افکنان را خواب خرگوش
(Хусрав ва Ширин, 50).

*Источник сладостный! Очей газельих вид
Тем, кто сильнее льва, сном заячьим грозит*

گر اندازه ز چشم خویش گیرد
– بر اهونی صد اهو بیش گیرد

*Она, браня свой взор, ища исток дурманов,
В глазах газелевых находит сто изъянов (там же, 50).*

Красоту женских глаз в таджикском (персидском) языковом сознании передают многочисленные сравнения с цветами, деревьями. Классик персидской поэзии Хафиз и корифей современной поэзии Ирана Рахи Муайери использовали название цветка *нарцис* – *нарцисс* в поэтической аллегории «чашми нарцис», подразумевая под ним подобные

нарциссу глаза возлюбленной. Однако слово *нарцисс* в русском языковом сознании имеет отрицательную коннотацию: самовлюбленный, любующийся собой человек: «Горчаков умен, но прихорашивается, точно Нарцисс, глядящийся в воду» (Ю. Тынянов).

В ходе анализа стало возможным сделать следующий вывод: *глаза – чаши* могут концептуализироваться как орган зрения (внешний человек) и как способность, то есть как место сосредоточения всех чувств и эмоций, центр мышления и воли (внутренний человек). Проанализированный эмпирический материал подтверждает тот факт, что лексемы *глаза – чаши* являются концептосоставляющей «внешнего» и «внутреннего» человека.

Образы устойчивых сравнений, характеризующие глаза и лицо человека, отражают важные различия характера красоты в двух языках – спокойное величие (волоокий) или кротость (как у лани) русской красоты и загадочность, легкость и грациозность – таджикской (персидской). Дополнительные характеристики, такие как указание на особенности формы и цвета бровей, ресниц и др., подтверждают сделанный вывод. В двух языках с красотой ассоциируется разный цвет глаз: голубой – в русском языке, черный – в таджикском (персидском). Связь красоты с блеском и сиянием в таджикском (персидском) языке закрепились в сравнениях с небесными светилами (*дидаи ситораафшон*).

Среди прототипных образов красоты в русском языке выделяются следующие: растения (гастрономическая метафора: *как малина*) и животные (*как серна*); в таджикском (персидском) языке идеалами красоты выступают флористические образы, преимущественно цветы (*нарцис – нарцисс*), драгоценные камни (*дидаи гавхарфшон*) и античные божества (*пари – пери*), обладающие особой грацией и утонченностью форм.

В третьей главе «Компонентный анализ первичных и вторичных значений многозначных слов», включающей четыре параграфа, проводится компонентный анализ первичных и вторичных значений слов в русском, таджикском (персидском) языках, анализ семантической структуры многозначных слов, выявляются межъязыковые универсалии и национальная специфика.

Многие языковеды, занимавшиеся лексикологией, семантикой, лексикографией, обращали внимание на то, что при самом широком рассмотрении слова каждого конкретного языка образуют как бы единую систему или некоторое число взаимосвязанных подсистем. В общей форме эту мысль следующим образом выразил Л.В. Щерба: «Слова ... служа для взаимопонимания членов определенного коллектива, составляют единую сложную “ткань”, единую систему, которая, к сожалению, бывает обыкновенно очень плохо отражена, а то и вовсе не отражена в существующих словарях» [Щерба, 2005, 216].

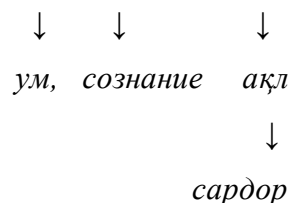
Первый параграф «Семантическая структура лексических единиц: принцип “эквивалентности”» посвящен анализу названных единиц, являющихся средоточием многих свойств, неоднородных в силу сложности системы того или иного языка.

Необходимо еще раз подчеркнуть тот широко известный факт, что каждому языку свойственно свое семантическое строение. Это значит, что каждый язык по-своему «избирает» те аспекты или характеристики реально различающихся предметов, явлений, процессов, которые семантически их объединяют и позволяют обозначить одним словом.

При сравнении лексических единиц разноструктурных языков важным является вопрос о том, подвергается ли сопоставлению слово или его значения. Здесь мы сталкиваемся с некоторой непоследовательностью. Обычно в начале исследования речь идет о слове. Например, сопоставим русское *голова*, таджикское (персидское) *сар*, (*кала*). Поскольку, как уже говорилось, семантические объемы, семантические системы разноязычных слов, сходных в отношении выражаемого ими основного понятия, не совпадают, обнаруживается своеобразное перекрещивание семантических линий в системах разных языков, и исследователь, как правило, переходит к сопоставлению значений и, более того, употреблений.

По-видимому, в исследованиях подобного рода это неизбежно. Поэтому при сопоставлении указанных выше слов мы, начиная с главного значения, должны рассматривать также соотношение их семантических структур.

Верхняя часть тела человека, содержащая мозг – голова ↔ сар ↔

В таджикском (персидском) языке различаются: *сар* – 1) *устар.* голова; 2) 2-й компонент сложных слов со значением голова, например: *сибкисар* – легкомысленный;

сер – 1) голова: *миаид* *я кلاه* *миаид* – *погов.* или голова пропадет, или шапка появится (либо пан, либо пропал).

кале – 1) голова, башка (тж. животных); 2) ум, разум; 3) голова, умный, мудрый человек.

Естественно, что слово *голова*, эквивалентом которого в таджикском (персидском) языке являются *сар*, (*سر*) *кале*, не полностью совпадает с ними по своему семантическому объему, особенно при сопоставлении, отвечающем требованиям двуязычного словаря.

Для того чтобы раскрыть подлинную систему эквивалентности между словом *голова* и его таджикским (персидским) соответствиями, необходимо подвергнуть планомерному

сопоставлению все речевые ситуации (контексты), в которых встречается *голова* с параллельными контекстами в таджикском (персидском) языке. Конечно, когда мы говорим «все контексты», мы не имеем в виду действительно все возможные случаи употребления слова *голова*, поскольку они не могут быть нам известны. Речь может идти о сопоставлении употребления слова *голова* и его эквивалентов в произведениях одного автора (подлинник и перевод), о сопоставлении в пределах одного жанра и т. п. языков, а не их тождестве.

На основании сопоставительного анализа последних можно установить, что слово *голова* имеет эквиваленты, кроме существительных *сар*, (سر) которые, будучи сами довольно емкими по своей семантике, покрывают большую часть семантического пространства, охватываемого словом *голова*.

Так, *сар* (سر) выступают как эквиваленты *голова* в случаях: а) *Сарам дард мекунад* – у меня болит голова; سرش درد میکند – а) у него болит голова (здесь уместно заметить, что данное предложение в таджикском (персидском) языке, в разговорной речи, имеет также значение – у него большая охота заняться (чем-л. یرتی); б) *Сар то кадам* – с головы до ног; в) *Сар афкандан* – вешать голову; سر دادن – а) сложить голову, погибнуть (ради чего); *Сар бохтан* – рисковать головой;

با سر خود بازی کردن – рисковать своей головой.

В случаях типа: а) *Сар додан* – сложить голову; б) *Сар задан ба чизе* – удариться головой обо что-л.; سر ба – разг. головой вперед; головой вниз; افکندن سر – потупить, опустить голову.

Лексемы таджикского (персидского) языка *Ақл*, *хирад*, *майна* выступают как эквивалент *голова* в случаях *Вай одами боақл аст* – у него ясная голова; *Майнаи вай гич мешуд* – в его голове все перепуталось. Или сходное значение может быть передано сочетанием: آدم با کله – человек с головой, умный человек; کلهاش گج است – он глуп как пробка. Интересно заметить, что в таджикском (персидском) языке *Сарам гич шуд* переводится – устал, утомился (главным образом от умственной работы).

Здесь следует отметить, что в таджикско-персидской литературе слово *сар* обладает широкой экспансией значений. 1) дорога, начало: «*Чунин аст расми сарои кухун, Сараи ҳеҷ пайдо набинӣ зи бун*» (Фирдавсӣ, 2, 40) – «“Таков обычай древнего чертога, Ведет во тьму безвестная дорога”»; 2) испытывать, переносить что-л.: «*Пазира шуданаи сарони сипоҳ, Саре к-ӯ кашад паҳлавони кулоҳ*» (Фирдавсӣ, 2, 56) – «“Шах – своевольный человек! – сказал он. – Ни стужи, ни жары не испытал он”»; 3) постареть: «*Ба сар – бар маро рӯз чанде гузаит, Сипеҳр аз бариш хок чанде бигаит*» (Фирдавсӣ, 1,78) – «“Века меня накрыли сединою, Не счесть мне солнц, прошедших надо мною”»; 4) предводитель: «*Чаҳонофаринанда ери ман аст, Сари наррадевон шикори ман аст*» (там же, 2,52); «*Сари*

наррадевон чу Деви Сапед, К-аз у кух ларзон бувад хамчу бед» (там же, 2, 87); *«Чунин гуфт бо номвар меҳтарон, Бузургону гарданкашону сарон»* (там же, 2, 188).

Неразрешенность вопросов, относящихся к семантической структуре слова, сказывается на характеристиках многозначных слов, вызывая поразительный разноразличий как в количестве выделяемых значений у семантически однородных слов, так и в порядке их расположения в словарных статьях

Мы показали семантические эквиваленты существительного голова в таджикском (персидском) языке, на которых должна основываться его подача в двуязычном словаре. Однако при сопоставлении необходимо одновременно раскрывать и все оттенки значения существительного голова с учетом частотности их употребления в современном русском языке и как можно шире показать возможности перевода этого существительного в различных контекстах его употребления.

Второй параграф **«Компонентный анализ значения слова: механизм компонентного фильтра (операция порождения)»** посвящен компонентному анализу лексических единиц русского, таджикского (персидского) языков.

Под компонентным анализом в данном исследовании вслед за О.Н. Селиверстовой понимается следующее: «Процедура расщепления значения на составные части, вычленение которых обусловлено как соотношением элементов внутри отдельного значения (наличие более общих и более частных элементов, то есть иерархичность организации), так и соотношением этого значения со значениями других языковых единиц (совпадение или нейтрализация элементов верхних уровней и совпадение дифференцирующих признаков нижних уровней)» [Селиверстова, 2004, 960].

Метод, применяемый в данном исследовании, ориентирован на установление семантической структуры значений, то есть на определение сем (их понятийного содержания) и роли каждой семы в структуре значения. Роль каждой семы определяет реляционный каркас структуры значения.

Исходный принцип исследовательской работы следующий: для описания механизма переноса в двух языках первичные и вторичные значения слов раскладывались на компоненты. При сопоставлении первичного и вторичного значений было выделено три уровня: предикативный (глаголы), номинативный (существительные) и атрибутивный (прилагательные), каждый из которых имеет свою степень абстракции. Для удобства при разложении слов на компоненты обращаемся к индексации компонентов. При метафорическом переносе индексом А обозначаются компоненты переноса независимо от их принадлежности к какому-либо из трех уровней. Индексом В обозначаются элементы усечения независимо от их принадлежности к какому-либо из трех уровней. Индексом С

обозначаются элементы распространения вторичного значения также независимо от их принадлежности к какому-либо из трех уровней.

При метонимическом переносе индексом A обозначаются элементы переноса независимо от их принадлежности к какому-либо из трех уровней. Индексами B и C обозначаются элементы усечения или распространения вторичного значения в зависимости от типа порождения.

Модель образования вторичного значения имеет характер генератора. На входе в модель задаются компоненты первичного значения, также представленные их компонентами и функциями.

Образование вторичного значения посредством «языковой метафоры» можно продемонстрировать на примере лексемы *сердце – дил* (دل).

Рассмотрим семантические множители в русском языке на словарных дефинициях в БАС:

1) *сердце* – центральный орган кровообращения:

A – центральный;

B – орган кровообращения.

2) *сердце* – важнейшая, центральная часть; средоточие чего-либо (сердце города):

A – центральный, важнейший;

C – средоточие.

Задаются функции:

/ – / – детерминация;

/ + / – констелляция;

Ø – индекс для обозначения усечения элементов **B** в новом значении.

Модель получает вид:

$$AB - \text{Ø} + A + C.$$

Функция детерминации обуславливает трансплантацию элементов **A** во вторичное значение и операцию цикла над элементом **C**. Функция констелляции объединяет элементы вторичного значения в единство, дает команду на распространение элемента **A** элементам **C**, усечения элемента **B**.

Если сопоставить толкования слова «*сердце*» с таджикским (персидским) «*дил* (دل)», данные в словарях, картина представляется несколько иначе:

1. دل *дил* – орган кровообращения (в виде мышечного мешка):

A – орган кровообращения;

B – мышечный мешок.

2. A – сердце;

С – душа: **دل سخت** – жестокое, каменное сердце; **دل نازک** – нежная, чувствительная душа.

3. А – желудок; живот; чрево;

В – **دل و جگر** – сердце и печень; потроха, ливер.

4. А – **دل** – сердце;

С – храбрость, отвага, мужество; доблесть; сила духа:

هر در کار دل لازم است – в любом деле нужна смелость;

گفتم: "پسر جان آرام باش... مرد باید دل داشته باشد. گریه برای چه؟"

(محمد علی جمال زاده فارسی شکر است) – «Я сказал: "Сынок, успокойся... Мужчина должен иметь мужество. Зачем плакать?"» (М. Джамаль-заде. Сладкозвучный персидский язык).

5. А – **دل** – сердце;

С – середина: **دل شب** – полночь; **در دل شب** – в полночь, глубокой ночью, поздно ночью.

Поэлементный анализ в русском языке первого и второго значений лексики *сердце* и функций элементов в первичном и вторичном значениях показывает, что семантические множители первого значения: *сердце – орган кровообращения* – являются постоянными, а компоненты вторичного значения: *центр, главная часть* – переменными. В таджикском (персидском) языке постоянным является компонент – *орган кровообращения, желудок, живот, чрево*, переменные – *храбрость, отвага, мужество, доблесть, сила духа, середина*.

На основе анализа первичных и вторичных значений слов можно утверждать, что семантические связи внутри многозначного слова организуют системность лексики, которая отчетливее всего проявляется на уровне одного слова. Но при этом необходимо учитывать, что характер внутрисловных семантических связей в языках неодинаков. Многозначность, можно сказать, является одним из ярких признаков национальной самобытности лексики. В этом случае лингвисты говорят уже не просто о полисемии, а о ее законах: «Многозначность слов естественных языков народов мира – это одна из важнейших особенностей их лексики» [Будагов, 1971, 300].

В параграфе «**Компоненты семантической структуры многозначных слов: межъязыковые универсалии и национальная специфика**» рассматриваются такие компоненты семантической структуры слова, как внутренняя форма слова, которая может быть компонентом значения слова или же оформляет представление, сопутствующее значению; ассоциативный потенциал значений слова, который из потенциального

становится реальным в переносных значениях слова; модальные оттенки значения слова; эмоциональная окраска слова, включая стилистическую окраску значения слова.

Все эти компоненты семантической структуры слова, равно как и отражения системных связей в ней, рассматриваются нами в сопоставительном аспекте.

Необходимо отметить, что взаимодействие объективных и субъективных признаков номинации особенно ярко обнаруживается при сравнении лексических единиц разных языков, обозначающих одни и те же денотаты. Сравнение обнаруживает полное или частичное сходство, а иногда и полное расхождение (например: *писатель* – نویسنده – нависанда; *пахарь* – شخمکار – заминрон; *сапожник* – (موزهدوز) – کفشدوز – музадуз – полное сходство, частичные различия (*губошлеп* – шлепанье губами, *растяпа*, в таджикском языке *даханяла* – دهانیله – человек с открытым ртом), полные различия (в русском языке *булочник* – тот, кто продает булочки, в таджикском (персидском) языке: *санбуспаз* – человек, занимающийся приготовлением и продажей пирожков. Далее приводится ряд слов, не имеющих своих эквивалентов в русском языке: *сархур* – мужчина, у которого умирают жены, женщина, у которой умирают мужья; *бепир* – не имеющий наставника; *занпараст* – любящий свою жену, женолюб.

Следует отметить, что если внутренняя форма живая, то она играет роль в значении слова, являясь компонентом значения слова или даже в некоторых случаях равна значению.

Важно отметить, что мотивированному слову одного языка в другом нередко соответствует немотивированное. Так, в современном русском языке *пожилой* – слово немотивированное с синхронной точки зрения. В таджикском (персидском) же *солхурда* отчетливо чувствуется сочетание *сол* + *хурда*, то есть «проглотивший годы», или: ریشسفید – سفید + ریش, то есть «седая борода»; слово *ювелир* в русском языке – немотивированное, таджикские (персидские) слова *симкор* – (زرگر) – мотивированны; *сим* – серебро, *кор* – работа – работающий серебром; زرگر – тот, кто изготавливает украшения из золота и серебра. А вот русские слова: *вертихвостка*, *крохобор* явно указывают на обозначаемое ими понятие.

Иногда равнозначные слова в обоих языках мотивированны, но в их основе лежат разные способы наименования, так как предмет может получать наименования по своим различным признакам. Так, слово *безжалостный* в русском языке означает: человек, не имеющий жалости, злой. В таджикском (персидском) языке слово *сагдил* – *безжалостный* указывает на другое качество человека: *саг* – собака, *дил* – сердце – человек с собачьим сердцем.

Таким образом, доля мотивированных слов, характеризующих внешние, нравственно-волевые качества человека, а также слов, обозначающих действующее лицо, неодинакова в двух языках.

Наш опыт сопоставления мотивированных слов в русском, таджикском (персидском) языках показывает, что языки различаются не столько удельным весом мотивированных слов, сколько категориями слов, которые оказываются мотивированными, а также видами мотивации. В таджикском (персидском) языке степень мотивированности в словах сильнее, чем в русском. Часто полной мотивации русских слов соответствует в таджикском (персидском) языке частичная мотивация. Русским же словам с частичной мотивированностью соответствуют в таджикском (персидском) языке немотивированные слова.

В основе метафорической мотивации большей частью лежит ассоциативный признак.

Здесь также наблюдается целый ряд расхождений при сравнении внутренней формы слов в русском, таджикском (персидском) языках. Так, внутренней форме русских слов: *набычиться* (надуться, насупиться), *ежиться* (нервно пожимать плечами, сутулиться), *петушиться* (впадать в смешную заносчивость, горячиться), *ишачить* (выполнять тяжелую работу) в таджикском (персидском) языке соответствуют следующие эквиваленты: *кавоқ андохта нигоҳ кардан*, *гунча шудан*, *хашигун*, *оташин шудан*, *хар барин кор кардан* – چیدن لب بر خوردن , پېچوتاب خوردن , جوش به آمدن – буквальный перевод на таджикский (персидский) язык невозможен, эквивалентом выступают описательные обороты. При сравнении внутренней формы таджикских (персидских) слов: *сабукқадам* – *приносящий удачу*, *синаафкор* – *истерзанным седцем*, *шаробдуст* – *любитель вина*, *пирузахтар* – *родившийся под счастливой звездой*, *тирхар* – *старый осел* (о человеке), *покизаандом* – *с красивой внешностью*; *اتکالی* – *человек, неуверенный в себе, в своих силах*; *اکبیر* – *мерзкий человек*; *باریکخیال* – *человек, обладающий утонченным воображением*; *بدراه* – *человек, сбившийся с истинного пути* – наблюдается аналогичная картина. Эти примеры подтверждают, что языки различаются не только тем, как они передают одни и те же понятия и аспекты ситуации, но и тем, какие аспекты отбираются говорящим на данном языке при описании данного денотата или данной ситуации. Следовательно, некоторые понятия (признаки) либо аспекты действительности оказываются первоочередными для говорящих на данном языке.

В своем исследовании мы касались также двух универсальных законов переноса значения слов: метафоры и метонимии. Здесь следует отметить, что метонимия в

таджикском (персидском) языке является вторым по продуктивности способом семантической деривации.

Семантическая мотивированность метафоры, как правило, основана на одном или нескольких конкретных признаках исходного значения и через них связана со всем содержанием слова. Поясним на примерах: «*В-аз равони Фаридун дуруд, К-аз ӯ дорад ин тухми мо тору пуд*» (Фирдавси, 2007, 2, 30) – «*Да сохранит он Фаридуна племя, Он коего и корень наш и семя*»; «*Чаҳоне ниҳоданд рух суи ӯй, Ки ӯ буд солори дайхимҷӯй*» (там же, 2, 36) – «*Куда стопы свои он обращал, Туда весь мир вослед взирал*»; «*Шавад барг нажмурдаву бех суст, Сараи суи насти гирояд нахуст*» (там же, 2, 39) – «*Иссякли соки, высохла листва, Склонилась долу пышная глава*»; «*Агар шоҳи бад хезад аз беҳи нек, Ту бо беҳ тунди мағоз рек*» (там же, 2, 40) – «*Но если вырос криво отпрыск новый, О корне все ж не говори дурного*»;

حالا صورت آنها پژمرده, اندشناک و سر به گریبان ز ندگی می نماید... (صادق هدایت, مادلن)

«*Теперь их лица выглядят увядшими, задумчивыми, опечаленными житейскими заботами*»;

وقتی نگاهش می کردم از ترس موهای تنم سیخ می شد... (خسرو شاهانی مرد سرگردان)

«*Когда я на нее смотрел, у меня от страха волосы вставали дыбом...*»;

چشم هزار بار روشن و قلبم هزار بار گلشن. عزیزم خوش آمدی مزین فرمودی قدمت بالای دو چشم من

(محمد علی جمال زاده، دار المجازین) – «*Пусть будут светлыми мои глаза, а сердце расцветет розами! Роденький мой, милости просим! Как я рада тебя видеть*».

Семантическая мотивированность метонимии основана на смежности предметов и явлений и, следовательно, связана с исходным значением не отдельными признаками, а всем объемом значения. Например:

زبانها نه تازی و نه خسروی نه چینی نه ترکی و نه پهلوئی

(Фирдавси, Шоҳнома, 1, 702) – «*Языки [у них] – не арабский, и не язык хосроев, не китайский, не тюркский, и не пехлави*»;

ببالین گه امد سرم را نیاز

(Низоми Ганчавӣ, Шараф-нома, 27) – «*Голова моя стремится опуститься на ложе*»;

کسی کز سر خویش ترسد بجنگ سر دیگران کی در ارد بجنگ

(Хусрави Дехлавӣ, Хамса, л. 40 а.) – «*Тот, кто в бою страшится за свою голову, как сможет заполучить в руки голову других?*»;

جراغی نجوید نظرگاه ما خرد بس بود مشعل راه ما

بنور خرد ره بیزدان بریم که سوی فرستاد کان نذکریم

(Хусрави Дехлавй, Хамса, л. 477 б.) – «Светоча не ищет наш взор, на нашем пути достаточно факела разума. При свете разума мы идем к богу, а на посланцев мы не смотрим»;

عدوگر ببادونکردد خراب بنیروی دانش فروکن در اب

(там же, л. 478 а.) – «Если враг не гибнет от руки, то силой знания утопи его в воде»;

وزان رو که پیدا و پنهان تویی به هر چه افتدم چشم و دل ان تویی

(Чомй, Хафт авранг, 450) – «И так как ты и явен и сокрыт, То, что бы ни узрели глаза и сердце мое, все это – ты»;

میگفتم و دل جواب میداد خاریدم و چشمه آب میداد

(Низоми Ганчавй, Лайли ва Мачнун, 27) – «Я говорил, а сердце давало ответ, я лишь царяну, а родник уже дает воду».

Метафора представляет собой парадигматически обусловленное изменение значения; метонимия порождается механизмами синтагматических преобразований.

Четвертый параграф «**Коннотативный аспект семантики лексических единиц: лексемы, репрезентирующие эмоциональное состояние человека**» посвящен коннотативному аспекту семантики лексических единиц. Говоря о развитии различных значений слова в контекстах, нельзя забывать о понятии коннотации, также непосредственно связанном с трактовкой семантики и стилистических характеристик языковых фактов.

Было установлено, что коннотации входят в импликациональные значения, образуя тем самым отдельный его компонент, который, несмотря на неоднородность своего содержания, является частью прагматического блока, поскольку формирующие его смыслы возникают в результате использования знака членами лингвокультурной общности. Коннотации могут иметь как концептуальную, так и языковую природу. Из всего сказанного следует, что к прагматическому значению слов примыкает также то, что принято называть его коннотацией. Под коннотацией имеются в виду те дополнительные ассоциации, которые слово вызывает в сознании носителей данного языка. Коннотацию, на наш взгляд, не следует считать в собственном смысле компонентом семантической структуры слова (то есть частью его значений). Тем не менее ее роль в эмоционально окрашенной речи, особенно в таком жанре, как поэзия, иногда весьма велика.

Четвертая глава «Системные отношения в определенной лексико-семантической группе» состоит из пяти параграфов, посвященных анализу синтагматических, парадигматических отношений в семантической структуре многозначных слов; выявлению национальной специфики синонимии и антонимии в сопоставляемых языках.

Первый параграф «Синтагматические отношения в семантической структуре многозначного слова в русском, таджикском и персидском языках» представляет собой анализ синтагматических комбинаций в системе разноструктурных языков.

Синтагматический анализ лексем в сопоставляемых языках в данном исследовании производится в трех аспектах: 1. Лексическая сочетаемость (словосочетание). 2. Идиоматический контекст. 3. Контекстуальная точка зрения на лексическое значение слова.

Значительный интерес, на наш взгляд, представляет лексическая сочетаемость. Важно отметить, что проблема лексической сочетаемости недостаточно изучена применительно к одному конкретному языку и в плане сопоставления разных языков. Применение сопоставительного метода дает возможность рассматривать явления одного языка с точки зрения другой языковой системы, помогает выявить специфику каждого языка.

Так как целью нашего исследования является семантическое поле «Человек», мы рассматриваем главным образом синтагматические комбинации лексических единиц, входящих в данное поле.

Для конкретного сопоставительного анализа нами избраны существительные рус. *рука* – тадж (персид.) *даст*.

Синтагматический анализ предполагает выделение обобщенных моделей сочетания слов. В силу своего концептуального содержания имена существительные выступают, как правило, в составе следующих моделей: 1) признак – предмет; 2) действие – предмет; 3) предмет – действие. Эти модели используются нами как средство ограничения и структурной организации обширного фактического материала. Представляется плодотворным использование заимствованных у М.М. Копыленко понятий денотативной и коннотативной сочетаемости. Коннотативные сочетания в отличие от денотативных лишены предметно-логической отнесенности и носят внутриязыковой характер. Лишь одновременный учет как денотативных, так и коннотативных сочетаний данного слова с другими может дать исчерпывающее представление о характере его лексической сочетаемости. Как показало исследование, объем семантических структур рус. *рука* – тадж. (персид.) *даст*. (*دست*) не совпадает. Условия и формы реализации их соотносительных лексико-семантических вариантов, включая основной ЛСВ «*кисть руки*», различны. Это выражается, например, в том, что сочетания указанных существительных с теми или иными генетически тождественными глаголами (не говоря уже о сочетаниях с глаголами, образованными от разных корней) могут значительно отличаться друг от друга, как по частотности, так и по характеру смыслового содержания. Реализация производных ЛСВ

анализируемых существительных происходит в результате сочетания с типичным набором слов, диагностирующим лишь один из них. Русское *рука* реализует ЛСВ «почерк» в сочетании со словами *знать*: «Он хорошо знает руку Пушкина»; *разбирать*: «Разбирать чью-нибудь руку»; в сочетании с местоимениями: «Это ваша рука? Это не моя рука» и т. д., которые обозначают манеру письма. Таджикское (персидское) *даст* (دست), не имея соотносительного ЛСВ в своей семантической структуре, с указанными словами не соединяются.

Существительное *рука* в двух языках входит в состав многочисленных коннотативных сочетаний, значительная часть которых (50 %) принимает форму синтагматической омонимии.

Все вышеизложенное проиллюстрируем на примерах.

В русском языке: 1) денот. – «золотые руки»;

коннот. – «работник».

2) денот. – «сильная рука»;

коннот. – «человек, способный помочь».

3) денот. – «первая, вторая, третья рука»;

коннот. – «отдельный работник в коллективной

работе, отдельный игрок в карточных играх»;

денот. – «открытая рука».

В таджикском (персидском) языке: 1) *дасти кушод* – <

коннот. «щедрость»;

денот. «тонкие руки».

2) *дасти танг* – <

коннот. «бедность»;

денот. «левая рука».

1) دست چپ – <

коннот. «налево, слева»;

денот. «хорошая рука».

2) خوب دست – <

коннот. «человек, приносящий

счастье».

Выявляя сходства и различия в коннотативной сочетаемости двух языков в рамках указанных моделей синтагматических связей, необходимо отметить, что одинаковые по характеру переосмысления сочетания составляют лишь половину имеющихся коннотативных синтагм. Заключительная часть сочетаний носит индивидуальный характер

в каждом из анализируемых языков (ср.: тадж. (персид.) دست بخون آلودن – «совершить убийство»; дасту по гум кардан – «букв. – терять руки и ноги – растеряться»; в рус. «узнать что-нибудь из первых, из вторых рук».

Как показали результаты исследования, различие семантических систем исследуемых языков обнаруживается, главным образом, при сопоставлении наиболее четко обусловленных синтагматических употреблений слов в речи.

Синтагматическая омонимия слов в таджикско-персидской поэзии

Таблица 1

Синтагматическая конструкция	Денотативный признак	Коннотативный признак	Употребление в речи
Гиряи ток	Виноградные слезы	Вино	<i>Ту фикри номаи худ кун, ки майпарастонро Сиеҳнома нахоҳад гузошт гиряи ток (Соиб)</i>
Дили пурситез	Сердце ненависти	Гневный; гневаться	<i>Чу он дид, пас Пилсам теги тез кашиду даромад дили пурситез (Фирдавсӣ, 1,200)</i>
Дили нозук	Тонкое сердце	Тонкая натура	<i>Яке достон аст пуроби чаим, Дили нозук аз Рустам ояд ба хаим (Фирдавсӣ, 2,208)</i>
Дил андар шиканч	Сердце страдания	Истерзанное сердце	<i>Бирафт инчунин дил пур аз дарду ранҷ, Тан андар балову дил андар шиканч (Фирдавсӣ, 2, 212)</i>
Дили тоҷбахш	Сердце дарителя короны	Дарующий короны	<i>Чу ин гуфта шуд, мужда додаш ба</i>

			<i>Рахи аз у шодмон шуд дили тоҷбахш</i> (Фирдавсӣ, 2, 220)
Шери жиен	Сильный лев	Богатырь, храбрый воин	<i>Чу оҳанги диҷ кард, касро надид, Хуруше чу шери жиен баркашид</i> (Фирдавсӣ, 2, 244)
Сари тираги	Помрачнение рассудка	Опечаленный	<i>Сари тираги андарояд ба хоб, чу теги табиш баркашад офтоб</i> (Фирдавсӣ, 2, 285)
Рӯи диҷам	Гневное лицо	Огорченный, опечаленный	<i>Нишинем ҳар ду пиёда ба ҳам, ба май тоза дорем руи диҷам</i> (Фирдавсӣ, 2, 307)
Дасти ачал	Рука смерти	Смерть	<i>ҳар он кас, ки зод у зи модар, бимурд, Зи дасти ачал ҳеҷ кас ҷон набурд</i> (Фирдавсӣ, 2, 354)
Дидори нав	Новый взгляд	Новое зрелище	<i>Сиевахиро гуфт: «Бо ӯ бирав Биерой дилро ба дидори нав»</i> (Фирдавсӣ, 2, 359)
Чашми бад	Плохой глаз	Сглаз, посторонний взгляд	<i>Бад-у гуфт шоҳ: «Ар ба марди рассад, Набояд, ки бинад варо чашми бад»</i> (Фирдавсӣ, 2, 362)
Чашми хирад	Мудрый глаз	Разум; мудрость	<i>Аз ин хубруён ба</i>

			<i>чаими хирад Нигаҳ кун, ки бо ту ки андарх(в) рад»</i> (Фирдавсӣ, 2, 366)
Дили пурумед	Сердце полное надежды	Надежда	<i>Хушивор бо ҷомаҳои сапед, лаби пур зи ханда, дили пурумед</i> (Фирдавсӣ, 2, 385)
Дили равшан	Светлое сердце	Разум; разумный	<i>Ҳамеша хунарманд бодо танат, расида ба ком он дили равшанат</i> (Фирдавси, 2, 403)
Дили размҷӯ	Воинственное сердце	Храбрый; смелый	<i>Дили размҷӯиш бубаст андар он, Ки лашкар кашад суи Мозандарон</i> (Фирдавсӣ, 2, 42)
Дастӣ таҳассур	Рука жалости	Печаль; сожаление; раскаяние	<i>Малик дастӣ таҳассур ба дандон газидан гирифт ва гуфт: «Шамшери нек з-охани бад чун кунад касе? Нокас ба тарбият нашавад, эй ҳаким кас!»</i> (Саъди, Гулистон, 18)
Чашми интизор	Глаза надежды	Надежда; ожидание	<i>Фарқ аст он ки ераиш дар бар, То он ки ду чашми интизораиш бар дар</i> (Саъди, Гулистон, 22)
Чашми нек	Добрые глаза	Благодородство;	<i>Ҳар он ки тухми</i>

		благодаяние	<i>бади кишту чаими неки дошт, Димоги беҳуда пухту хаели ботил баст (Саъдии Шерозӣ, Гулистон, 24)</i>
Шиками хира	Тусклый живот	Глупое чрево	<i>Эй шиками хира, ба ноне бисоз, То накуни пушт ба хидмат дуто (Саъдии Шерозӣ, Гулистон, 38)</i>

Важно также отметить, что контекст в той степени, в какой он отражает синтагматические зависимости, характеризующие слова как единицы языка, не создает «контекстных значений», противоречащих «собственным» лексическим значениям слов.

Во втором параграфе «**Парадигматические отношения в семантической структуре лексических единиц**» нами рассмотрены многоступенчатость, нелинейность парадигматических отношений в русском, таджикском (персидском) языках.

Различные подходы к теории синтаксической парадигматики (Д.С. Уорт, В.Г. Адмони, Т.П. Ломтев, Е.А. Седельников, П. Адамец, В. Грабе, Н.Ю. Шведова, О.И. Москальская, В.З. Панфилов, И.П. Распопов) обусловлены тем, что предложение является многомерной единицей. В одних случаях опорой парадигмы служат предикативные характеристики предложения, в других случаях в качестве такой опоры выступает критерий синонимичности структур, в третьих случаях стержень парадигмы предложения составляет противопоставление их по цели высказывания, а также (со) существование двух взаимосвязанных аспектов синтаксиса – конструктивного и коммуникативного.

Признание существования парадигматических отношений в лексике влечет за собой также признание ее системной структурированности. Следует отметить, что особенно сложными, естественно, оказываются парадигматические связи многозначного слова, поскольку каждое значение такого слова обладает своими специфическими признаками, связывающими его отношениями противопоставления со словами, являющимися членами разных парадигм, которые, в свою очередь, по-разному проявляются в разных языках.

Наглядным примером многоступенчатости и нелинейности парадигматических отношений могут служить слова *мужчина* – *мард* (مرد) в двух языках.

На примере слов *мужчина* – *мард* (مرد) в русском, таджикском (персидском) языках было выявлено то обстоятельство, что вследствие более или менее непосредственной направленности на референт, парадигматически закрепленные главные значения эквивалентных слов, как правило, довольно точно совпадают. Однако отсюда не следует вывод, что лексические единицы в сопоставляемых языках на парадигматическом уровне полностью тождественны.

Парадигматические противопоставления могут быть обусловлены не только распределением каких-то определенных признаков, но и соотношением «наличие/отсутствие» какого-то признака.

В тех случаях, когда это соотношение основывается на последовательном расчленении «беспризнакового» значения, например, в русском языке (в древнерусском): *рука* = *десница* + *шуща*, соответствующие обозначения образуют ряд «последовательных» парадигм разных ступеней (ср. в таджикском (персидском) языке: *чаим* + *рӯ(ӣ)* + *ќалб* = *узви бадан* – орган, в русском языке: *голова* + *рука* + *сердце* + органы).

В результате объединения и противопоставления слов по различным семантическим признакам образуются ряды соподчиненных или перекрещивающихся лексико-семантических парадигм.

Здесь следует отметить, что при общности системы стилей русский, таджикский (персидский) языки различаются в отношении взаимопроникновения и четкости границ между этими стилями.

К этому вопросу можно подходить с разных точек зрения. Во-первых, в языках имеются слова, которым внутренне присуща экспрессивность, эмоциональность (ингерентные стилистические характеристики). Такими словами, например, в русском языке являются *очи*, *вежды*, *зеница* (устар. поэт.), экспрессивно выражающие положительную оценку, и слова, выражающие отрицательную оценку: *гляделки*, *буркалы*, *бельма*, *зенки*, *шары* (груб. прост.). Весь этот ряд в целом противопоставлен стилистически нейтральному *глаза*. Ср. «У него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза» (Лермонтов. Максим Максимыч). «Но все покоится в безмолвии ночном, И вежды томные сомкнулись тихим сном» (Баратынский. Отрывки из поэмы «Воспоминание»). «Перстами легкими, как сон, Моих зениц коснулся он (Пушкин. Пророк). «Каширин, не вытаращивай зенки, – советовал ему хозяин» (Горький. В людях).

Если провести параллель данного парадигматического ряда русского языка с таджикским (персидским) языком, то выясняется, что в таджикском (персидском) языке слова, выражающие отрицательную оценку с нейтральным словом *чаим* – *глаза*, отсутствуют. Эквивалентом данного ряда выступает слово *чаим* (چشم) – *глаза*. Например,

Вытарацитъ зенки – чаимро аз хонааш баровардан; چشم دراندن. Парадигматическому ряду русского языка, выражающему экспрессивно положительную оценку, в таджикском языке соответствуют слова: *дида – глаза, око, свет очей; наргис – нарцисс, глаза влюбленной; шахло – большие блестящие глаза*, в персидском – *خاتون اشهل، نرگس، دیدار، چشم*, которые стилистически противопоставлены нейтральному *чаим – چشم – глаза*. Однако здесь, как мы видим, в отличие от русского языка перечислены не только слова с ингерентной экспрессивностью значений (например, *дида, шахло*), но и такие, которые приобретают это качество в переносном значении или при переносном употреблении (адгерентные стилистические характеристики). Например, *наргис* (перен. *чаим – глаза, чаими махбуба – глаза влюбленной*).

Чун сер наргиси ту зи хоб,

Гули рӯи ту шустам ба гулоб (ФЗТ, 1, 833).

С другой стороны, данные парадигматические ряды в двух языках различаются также и принадлежностью к различным стилям речи. Так, *буркалы, зенки, гляделки*, отличающиеся низкой частотностью употребления, относятся к разговорному стилю; *наргис, шахло* являются словами книжного стиля и встречаются, главным образом, в поэзии.

При сравнении данного парадигматического ряда в таджикском и персидском языках были выявлены незначительные расхождения, в частности: слово *шахло* в ФЗТ трактуется как – *чаими сиеҳи калони зебо ва дилфиреб – «большие черные, чарующие глаза»* (ФЗТ, 1, 577). В персидско-русском словаре мы встречаем следующее толкование *شاهلا(اشهل)* – *голубоглазый, синеокий* (ПРС, 64). Отсюда следует, что значение, реализованное в персидском слове, для таджикского языка несвойственно.

Стилистические парадигмы, следовательно, могут быть такими, в которых противопоставляются экспрессивные и стилистически нейтральные слова или значения слов, и такими, в которых противопоставляются слова нейтрального стиля речи и других речевых стилей. Таким образом, слова в анализируемых языках как парадигматические единицы характеризуются не только лексико-семантическими, но и стилистическими противопоставлениями, которые тоже входят в определение их значений.

При изучении семантической структуры многозначных единиц, на наш взгляд, необходим учет не только синтагматических отношений, но и парадигматических.

В третьем параграфе «**К вопросу о национальной специфике синонимии**» рассматривается вопрос о национальной специфике синонимии. Здесь важно отметить, что как между многими словами исследуемых языков нет соответствия в их значениях, так и между синонимическими рядами сопоставляемых языков не может быть полного

соответствия. В каждом языке существуют понятия, предметы или явления, представленные богатым набором слов, выражающих тонкие смысловые нюансы, относящиеся к кругу данного понятия, явления или предмета, в то время как в ряде других языков имеется лишь одно или два слова для выражения только основного по смыслу понятия.

Актуальность исследования лексики, используемой для описания состояния человека в двух языках, объясняется тем, что языковые единицы разных уровней с семантикой «человек» демонстрируют специфику языковой картины мира данной нации.

Одним из активных пластов лексического состава языка являются лексические единицы, входящие в состав синонимического ряда «гневно-раздраженное состояние человека».

Анализ проводится с опорой на следующие источники: толковые словари русского языка, Фарҳанги забони тоҷикӣ, толковый словарь персидского языка, синонимические словари русского, таджикского (персидского) языков и переводные словари.

При характеристике лексической репрезентации данного смысла учитываются: количество элементов в синонимических рядах ключевых слов, репрезентирующих данный смысл; особенности денотативных и оценочных аспектов семантики; стилевой маркированности элементов ряда; частотность речевой актуализации членов синонимических рядов.

Количество элементов в синонимическом ряду ключевого слова показывает, что в таджикском (персидском) языке оно разработано больше. Число синонимов слова *гневный* – 4; *газабнок* – (*خشم آلود*) – 8.

Количественный анализ понятия «гневно-раздраженное состояние человека» показал, что таджикский (персидский) синонимический ряд более обширен, а лексема *خشمگين* – более частотна в таджикском (персидском), чем русское слово. Особенностью вышеперечисленных слов в таджикском (персидском) языке является их многозначность, поэтому эти показатели характеризуют не только рассматриваемый в данном параграфе смысл. Качественный анализ только ключевого смысла в этой связи более показателен. По его результатам выявлено, что для разных национальных обществ в этом понятии на первый план выходят различные семы («*пурхашм* (*پرخش*)» – «*полный ярости, гнева*» в таджикском (персидском) языке, «*неистовый*» – в русском). Данные наблюдения свидетельствуют об отсутствии линейной корреляции культурной доминанты и характере ее репрезентации в лексических системах анализируемых языков.

Таким образом, проведенное исследование служит еще одним доказательством существования национально-культурного своеобразия различных языковых систем.

Сопоставление семантики лексем разных языков, выражающих одно и то же понятие, дает возможность выяснить специфику отражения окружающего мира в языковом сознании носителей данных языков. Каждый язык по-своему членит мир, имеет свою особую языковую картину мира. В близких понятиях разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые понятия не полностью совпадают по своему содержанию. Именно в этом проявляется специфически национальное восприятие мира, зафиксированное в языке.

В четвертом параграфе «**Парадигматика, синонимия и их взаимосвязь на уровне лексики**» рассматриваются парадигматика, синонимия и их взаимоотношения на уровне лексики разноструктурных языков.

В зависимости от лексического окружения, а также в целом ряде случаев от синтаксической позиции слова выступают в «разных лексических значениях», что и заключается в снятии одного парадигматически закрепленного противопоставления и установлении другого. Лексическая полисемия по существу связана с такого же рода нейтрализацией противопоставления, какое можно наблюдать в области грамматических значений. Именно такая нейтрализация и делает возможным относительно независимое применение слова в каждом из его значений. Отличие лексики заключается в том, что применение слова в каждом новом значении связано с многообразным и многосторонним видоизменением его парадигматических соотношений с другими словами, в частности, и возможности синонимических соответствий здесь гораздо больше.

Как показали результаты исследования, парадигматически обусловленные отношения слов по-разному проявляются в речи. В разных случаях употребления на передний план выступают те семантические признаки слов, которые оказываются наиболее существенными именно для данного его употребления.

Из изложенного выше можно сделать два вывода: с одной стороны, возможность замещения одного слова другим, являющаяся одним из аспектов изучения синтагматических связей слова, определяется не только степенью совпадения их парадигматических характеристик, но также и правилами сочетаемости для данного языка. С другой – о синонимии можно говорить в тех конкретных случаях, когда имеется высокая степень совпадения парадигматических характеристик двух или более слов, хотя в семантических и стилистических оттенках их значений существуют весьма тонкие различия, которые лежат в основе законов лексической сочетаемости в данном языке и обуславливают возможность или невозможность субституции в конкретно контексте, в определенном словосочетании.

Любые значения не существуют в языке «сами по себе», вне связи с другими значениями. Однако характер этих взаимоотношений, зависимость собственного значения слова от сопоставленности со значениями каких-то других слов в различных случаях неодинаковы.

Проблема парадигматических отношений внутри лексики и проблема семантической структуры лексических единиц, таким образом, тесно связаны друг с другом.

Исследуя словарный состав языка, нужно, по нашему мнению, как-то расчленив его, выделить в нем определенные семантические группы слов. Для этого необходимо установить, что объединяет значения данных слов и что отличает их друг от друга, то есть выделить в них как общие, так и различающие их признаки, а следовательно, разложить значения на некоторые компоненты. Понятно, что такое разложение значения в свою очередь возможно только на основе известного сопоставления его с какими-то другими значениями, так как только на основе сопоставления обнаруживается комплексный характер самого значения, а также своеобразие каждого языка.

Как показало исследование, значения многих слов конкретной лексики в двух языках настолько насыщены индивидуальными признаками, что являются в принципе несопоставимыми по отдельным признакам друг с другом. Поскольку можно считать, что денотативная функция оказывается для них на первом плане, они и могут быть условно названы денотативами. В некоторых отношениях они подобны именам собственным.

Парадигматические отношения между словами, по результатам исследования, зависят от отношений, существующих между самими предметами действительности. Будучи отражением группировки самих предметов действительности, подобные объединения слов обнаруживают, однако, целый ряд таких особенностей, которые определяются свойствами конкретного языка. Понятие парадигмы в языкознании связано с понятием «ноэтическое поле» (совокупность понятий, выражаемых данным словом или группой слов) [Гак, 1998, 764]. Исследование показало, что у таджикских (персидских) слов в среднем ноэтическое поле относительно шире. Следовательно, таджикский (персидский) язык для выражения одинакового круга понятий могут обойтись меньшим числом слов, чем другой язык (в данном случае – русский язык). Отсюда следует, что таджикский и персидский языки проявляют экономию в парадигматическом плане. Однако при необходимости выразить соответствующие оттенки мысли они вынуждены прибегать к словосочетаниям во многих из тех случаев, где русский язык использует одно слово. Таким образом, таджикской (персидской) лексике свойственна парадигматическая экономия при синтагматической избыточности, русской, наоборот, – синтагматическая экономия при парадигматической избыточности.

Нередко отношения между парадигматикой и синтагматикой сводят к следующей слишком общей формулировке: языковые единицы, находящиеся в парадигматике в отношении оппозиции, вступают в синтагматике в отношение контраста. Этому при новой формулировке противопоставляется развернутое положение: оппозиции и контраст находятся в градуальных соотношениях; отношение оппозиции в парадигматике обратно пропорционально отношению контраста в синтагматике. Чем сильнее оппозиция, тем слабее контраст, и наоборот.

Здесь необходимо отметить, что эти отношения по-разному проявляются в двух языках.

Более широкое по своей семантической структуре таджикское (персидское) слово уточняет свое значение по связи с другими словами в предложении, тогда как русское слово самостоятельно выражает те же оттенки. Следовательно, этот язык проявляет экономию в парадигматическом плане. Однако при необходимости выразить соответствующие оттенки мысли он вынужден прибегать к словосочетаниям во многих из тех случаев, где русский язык пользуется лишь одной лексической единицей.

В пятом параграфе «**Лексические антонимы: синтагматические и парадигматические свойства**» рассматриваются лексические антонимы, их синтагматические и парадигматические свойства.

На материале таджикского (персидского) и русского языков было установлено, что в синтагматическом плане антонимы характеризуются высокой степенью совместной встречаемости в тексте. Такое контактное употребление антонимов является наиболее характерным для них, делает возможным их регулярное противопоставление в речи, раскрывает природу антонимии как выражения предельного отрицания внутри одной и той же сущности: «*Хатибе карехусавт (бадовоз) худро хушовоз пиндошти ва фареди беҳуда бардошти*» (Саъдии Шерозӣ, Гулистон, 87) – «*Один хатиб, обладавший отвратительным голосом, считал себя сладкоголосым и [постоянно] подымал напрасный крик*»; «*Бо мардуми сахлхуй душхор мағуй! Бо он, ки дари сулҳ занад, ҷанг мағуй!*» (там же, 117) – «*С людьми кроткого нрава не говори грубо, Не ищи ссоры с тем, кто стремится к миру*»; «*Акнун ба ман маълум шуда буд, ки дар ҳавлии падараруси тағоиям касоне, ки дар нимишаби омада аввал «дузд» гумон карда шуда, баъд аз он «меҳмон» шумурда шуданд, ҳамин домоду арус будаанд, ки аз Соктаре гурехта омада ба алоқаи ҳамкасабаги шаб ба он ҷо фуромада, баъд аз руз шудан ба қозихона рафта будаанд*» (С. Айнӣ, Еддоштҳо, 1, 68) – «*Мне стало ясно, что те люди, которых ночью в доме тестя моего дяди приняли за воров, а потом назвали гостями, были Хабиба и ее жених*»; «*Человек течет, и в нем есть все*

возможности: *был глуп, стал умен; был зол, стал добр и наоборот* (Л.Н. Толстой. Дневник).

В парадигматическом плане у антонимов обнаруживаются сходные смысловые структуры и компонентный состав значений, что соответствует, как мы видели, высокой степени совпадения дистрибуций этих лексических единиц. Антонимические значения оказываются противопоставленными лишь по одному существенному дифференциальному признаку («положительному»/«отрицательному»), так что один из компонентов смысловой структуры данного слова отрицает (и притом предельно) соответствующий компонент противоположного ему по смыслу слова: ср.: *доно – нодон* (грамотный – неграмотный); *хушнамо – баднамо* (красивый – некрасивый); *хушхат – бадхат* (обладающий красивым почерком, каллиграф – не обладающий красивым почерком). Как видно, однородность смысловой структуры антонимов проявляется в однотипности их толкования.

В зависимости от выражаемого типа противоположности антонимы обнаруживают следующие основные семантические типы.

1. Антонимы, выражающие качественную противоположность. Качественные слова, образующие самый большой класс, «ядро» антонимии русского языка, реализуют контрарную противоположность. Им свойственны градуальные (или ступенчатые) оппозиции. Полную, истинную антонимию выражают крайние симметричные члены такого противопоставления, средние указывают на возрастание (или убывание) степени качества: *красивый (изящный, очаровательный, восхитительный), симпатичный (привлекательный, миловидный), невзрачный (непривлекательный, неприглядный, несимпатичный), безобразный (уродливый, страшный)*.

2. Антонимы, выражающие интеллектуальные и эмоциональные свойства. Данная группа антонимов является самой продуктивной в таджикском (персидском) языке: *Тихимагз – تهی مغز – «безмозглый»*:

علم چندان که بیشتر خوانی چون عمل در تو نیست نادانی نه محقق بود نه دانشمند چارپایی بر او کتابی چند (Саъдии Шерозӣ, Гулистон, 114) – *«Как бы много ты ни изучил наук, Если не [прилагаешь их] к делу, – ты неуч»; «Не станет ни мудрым, ни ученым животное, на котором [нагружено] несколько книг – Как может узнать и догадаться этот безмозглый, Что на нем: дрова или книги».*

Чаҳл – جهل – «нодони, нодонии мағрурона; беҳабари, хафлат; беилми – «невежество, невежественность, неведение»:

یکی از حکما شنیدم که می گفت: هرگز کسی به جهل خویش اقرار نکند مگر آن کس که چون دیگری در سخن باشد (Саъдии Шерозӣ, Гулистон, 86) – *«Слышал я, что один из мудрецов говорил: “Никто так не выказывает свое невежество, как тот, который*

начинает говорить в то время, когда другой держит речь и еще не кончил говорить!»».

Адиб – ادیب «устод, мураббии бодонишу фарҳанг» – («наставник; образованный, грамотный»): پادشاهی پسر را به ادیبی داد و : ان فرزند تو است, تربیتش همچنان کن که یکی از فرزندان خویش گفت (Саъдии Шерозӣ, Гулистон, 108) – «Один падишах отдал своего сына ученому и сказал: “Это – твой сын, воспитывай его, словно одного из своих сыновей”»; **Ақил** – عقیل «окил, доно» – («умный, разумный, рассудительный»): «Лекин дар **ақл** ва ҷасорат ин аз онҳо пеш аст...» – «Но по уму и смелости он их выше...» (С. Айнӣ, Еддоштҳо, 2, 54); **Аҳли хирад** – بزرگش (Саъдии Шерозӣ, Гулистон, 39) – «Люди умные не назовут великим того, Кто поминает злом имена великих»; **Соҳиби ҳуш** – صاحب هوش – («мудрый человек»):
 نگویند از سر بازیچه حرفی کزان پندی نگیرد صاحب هوش و گر صد باب حکمت پیش نادان بخوانی, آیدش
 نگویند از سر بازیچه حرفی کزان پندی نگیرد صاحب هوش و گر صد باب حکمت پیش نادان بخوانی, آیدش (Саъдии Шерозӣ, Гулистон, 47) – «Из любого словечка, даже сказанного для забавы, Мудрый человек извлечет пользу. Но если сто глав книги мудрости Прочтут перед невеждой, все покажется ему забавой».

Однако, как отмечает Ю.Д. Апресян, семантика лексических единиц, выражающих эмоциональные и интеллектуальные свойства в русском языке в настоящее время недостаточно хорошо изучена, чтобы факт антонимии мог быть подтвержден точным семантическим описанием [Апресян, 1995, 300].

На материале таджикского (персидского) языка нами были также выявлены и сложные случаи антонимии, когда элементарные антонимические различия повторяются дважды: «Бинобар ин барои ҳар кас **ақли боҷасорат** лозим аст. Инчунин **ҷасорати беақлона** ҳам фоида надорад» (С. Айнӣ, Еддоштҳо, 1, 55) – «Вот поэтому каждому надо кроме ума обладать еще смелостью. Но и безрассудная смелость бесполезна»; «Лекин аз ин ҷавоби бардуруги худ тарсидам, чунки китобам дар чилд ва дар дастам овезон буд, ин **дуруги тамоман руйрост** буд» (там же, 1, 62) – «Однако я испугался своего вранья, ведь книги лежали в папке, которая висела у меня на руке, и ложь была слишком очевидной».

Факты сложной антонимии свидетельствуют о том, что лексическим антонимам должно быть дано рекурсивное определение.

В **Заключении** подводятся основные итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографические издания

1. Семантико-семасиологическое исследование структуры многозначных слов (на материале русского и таджикского языков / [Текст]: монография / С.М. Тиллоева. – Душанбе: Издательство «Деваштич», 2005. – 127 с.

2. Семантическое поле, возможности его применения при изучении словарного состава языка [Текст]: монография / С.М. Тиллоева. – Душанбе: Издательство «Деваштич», 2005. – 117 с.

3. Сравнительно-компонентный анализ первичных и вторичных значений многозначных слов (на материале русского и таджикского языков) [Текст]: монография / С.М. Тиллоева; Ур. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: Ур. гос. пед. ун-т, 2008. – 124 с.

4. Структура семантического поля «Человек – انسان» в сопоставительном аспекте [Текст]: монография / С.М. Тиллоева; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. – 139 с. (ISBN 978-5-7186-0654-5).

5. Системные отношения в определенной лексико-семантической группе (на материале русского и таджикско-персидского языков) [Текст]: монография / С.М. Тиллоева; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. – 132 с. (ISBN 978-5-7186-0654-6).

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. К вопросу многоаспектности лексической коннотации // Европейский журнал социальных наук. – Рига – М., 2013. – № 12(39), т. 1. – С. 203–212.

2. Антропоцентрическая природа категории сравнения на материале персидской и английской языковых картин мира // Европейский журнал социальных наук. – Рига – М., 2014. – № 4(43), т. 1. – С. 228–237.

3. Внутренний и внешний мир человека сквозь призму языковых единиц (на материале русского, французского и персидского языковых картин мира) // Европейский журнал социальных наук. – Рига – М., 2012. – № 3(19). – С. 283–292.

4. Национальная языковая картина мира и ее проекция в поэтическом тексте газели Амира Хасана Дехлави «Мухаммад» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина / Научный журнал «Филология». – СПб., 2011. – № 4, т. 1. – С. 78–85.

5. Контекст как универсальное средство снятия семантической неоднозначности и уточнения значения слова (на материале персидской поэзии) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2011. – № 3. – С. 53–57.

6. К вопросу о национальной специфике синонимии (на материале русского и таджикско-персидского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8(50). – Часть 3. – С. 194–197.

7. Семантическая трансформация символа в поэтическом тексте (на материале поэмы Джалаладдина Руми «Маснави Маънави – Поэма о скрытом смысле» // Вестник ЯрГУ. – Ярославль, 2011. – № 2. – С. 132–135.
8. Концепт «Таухид – Единство» в суфийской языковой картине мира (на материале произведений поэтов-суфиев Фарид-Аддина Атгара, Лахиджи, Баба Кухи, Джалаладдина Руми) // Известия Южного федерального университета // Филологические науки. – 2011. – № 3. – С. 36–44.
9. Лингво-когнитивные основы анализа семантической структуры слова (на материале русского и таджикского языков) // Вестник Поморского университета. – Поморье, 2010. – № 7. С. 299–305.
10. Лексическая полисемия в современном русском и таджикском языках: семантические и структурные аспекты // Вестник ПГУ. – Пятигорск, 2010. – № 3. – С. 127–131.
11. Функция символа в поэме Джалаладдина Руми «Маснави Маънави» – Поэма о скрытом смысле) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 4(2). – С. 136–138.
12. Образ женщины в персидской языковой картине мира // Вестник ПГУ. – Пятигорск, 2010. – № 4. – С. 228–231.
13. Анализ лексико-семантических групп русского, таджикского и персидского языков, входящих в лексико-тематическую группу «Внутренний мир человека» // Вестник ПГУ. – Пятигорск, 2014. – № 4. – С. 135–138.
14. Аспекты синтагматического анализа лексических единиц в сопоставляемых языках // Вестник АГУ. – Адыгея, 2015. – № 2(153). – С. 100–106.
15. Функционирование языковых единиц в аспекте национально-культурной специфики (на материале эмотивной лексики русского и таджикского языков // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. – Магнитогорск – Новосибирск, 2015. – № 3(49). – С. 412–422.
16. Анализ лексических единиц, входящих в лексико-тематическую группу «внешний облик человека»: сопоставительный аспект (на материале русского, таджикского и персидского языков) // Филологические науки. – 2016. – № 3(57). – Часть 1. – С. 180–183.